

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР №1

по версии New York Times

САРА ДЖИО

Утреннее сияние

Эталон современной
романтической прозы.

The Observer

Сара Джо

Утреннее сияние

«ЭКСМО»

2013

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Джио С.

Утреннее сияние / С. Джио — «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-87433-0

Печальные события в жизни Ады Санторини вынуждают ее уехать на другой конец страны и поселиться в очаровательном плавучем домике на Лодочной улице. Жизнь на озере кажется настоящим приключением, а соседи становятся близкими друзьями. Но однажды Ада находит на чердаке сундук, в котором покоятся свадебное платье, записная книжка и несколько фотографий. Ада рассказывает о своей находке соседу Алексу, и он ее предупреждает: вероятно, сундук принадлежал девушке по имени Пенни, которая когда-то жила в доме Ады. Но Пенни пропала много лет назад, и старожилы Лодочной улицы не любят вспоминать эту историю. Однако вещи многое могут рассказать о своем хозяине. Изучив «сокровища», которые остались от Пенни, Ада понимает, что за ее исчезновением кроется нечто особенное...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-87433-0

© Джио С., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Предисловие автора	6
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	37
Глава 8	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Сара Джо

Утреннее сияние

Посвящается Анне и всем одиноким женщинам с разбитым сердцем. После дождливого дня всегда появляется солнце. Попробуй найти свой собственный путь в жизни.

Sarah Jio

Morning Glory

Copyright © Sarah Jio, 2013

© Бологова В., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»,

2016

Предисловие автора

Сейчас, когда я пишу эти строки, я сижу в своем плавучем домике на озере Юнион в Сиэтле и смотрю в окно. Пасмурно. Дождь льет как из ведра. Он стучит по водной глади, по крыше, и дождевые струи от порывов ветра бьются о стекло. Я очень люблю бывать здесь, на озере. Из окна видны плавающие утки, моторка и каяк, отважно бросающий вызов непогоде. В моей душе царят покой и гармония.

Когда я только начала этот роман, я плохо себе представляла его фабулу. Знала только, что обязательно должен присутствовать этот плавучий домик у берегов озера Юнион в Сиэтле. Я родилась в Сиэтле и всегда была поклонницей этих плавучих домиков (конечно же, на мое пристрастие повлиял трогательный фильм «Неспящие в Сиэтле», который придал этим странным сооружениям еще большее очарование). Много лет назад, будучи еще совсем молодой журналисткой, я написала статью об особом стиле жизни в плавучих домиках. С тех пор я никогда не забывала свое самое первое сильное впечатление от знакомства с этими уникальными строениями. Женщина, которая любезно пригласила меня в свой дом (открыв дверь с большим отверстием внизу для уток), рассказала мне о жизни на озере, о том, как плавно покачиваются домики на волнах от порывов ветра, о волшебной способности озера успокаивать и убаюкивать. Но больше всего мне запомнился рассказ о том, как дружно, словно одна большая семья, живут здесь люди, как соседи в случае необходимости помогают друг другу и умеют хранить чужие тайны, как самые верные и преданные друзья.

Полагаю, что эта история началась именно в тот день, когда я впервые шагнула внутрь маленького плавучего домика. С тех пор мне безумно хотелось самой жить в таком домике на озере. Но моя семья увеличивалась, и мы с мужем решили, что растить троих сыновей в крошечном плавучем домике не лучшая идея. (Только представьте себе трех сорванцов, играющих на маленьком причале!) Поэтому мы отложили нашу мечту до лучших времен. По крайней мере, до сентября 2012 года.

Мой муж знал, что я начала писать о плавучем домике в своем романе, и, пока я лелеяла мечты снять такой домик на выходные для более глубокого изучения обстановки, он удивил меня крайне неожиданным предложением. Почему бы, сказал он, не снять такой домик на более продолжительное время? Я могла бы использовать его в качестве своего рабочего офиса и по-настоящему прочувствовать все прелести и трудности жизни на озере.

Моим самым первым желанием было сразу же отказаться. На первый взгляд это предложение показалось мне необдуманным и связанным со слишком большими расходами. Но чем больше я об этом думала, тем больше мне нравилась эта фантастическая идея. Ведь и в самом деле, как еще я могла узнать о тонкостях и деталях быта, об истории и жизни местного сообщества, об обитающих там людях и их маленьких тайнах?

Итак, мы отправились на поиски домика, который можно было бы снять, и уже через несколько секунд я безнадежно влюбилась в один из них. Это был дом моей мечты – со спальней на чердаке, с настоящим иллюминатором, с палубой, устроенной на крыше, откуда открывался фантастический вид на Космическую иглу¹, и довольно своеобразной, но полностью укомплектованной кухней. Мы с мужем без раздумий подписали арендный договор сроком на четыре месяца.

¹ «Космическая игла» (англ. Space Needle) – самая узнаваемая достопримечательность на северо-западе тихоокеанского побережья США и символ города Сиэтла. (Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания переводчика.)

Я никогда не смогла бы написать эту книгу, если бы не время, проведенное на озере Юнион, среди удивительно дружелюбных и милых людей. Здесь все поддерживало и вдохновляло меня – от парочки диких уток, устроивших гнездо на моей палубе, до доброго отношения со стороны соседей.

Остается еще несколько недель, которые мне предстоит провести в плавучем домике до того, как закончится срок аренды. Ненавижу мысль о том, что мне придется его покинуть. Здесь я смеялась и плакала. Под этой крышей я приобрела новых друзей и еще больше оценила старых. Именно здесь я ощутила удивительное состояние душевной гармонии и буквально влюбилась в обитателей плавучих домиков.

Но скоро придется прощаться. Через несколько дней я поставлю последнюю точку в этой книге, поверну ключ в замке двери и скажу «прощай» любимой Лодочной улице, как я ласково называла ее и в реальной жизни, и в романе. Но даже тогда и сам причал и история, которую я сочинила здесь, навсегда останутся в моем сердце. Плавучий домик под номером семь. Генриетта и Хейнс. Малыш Джимми. Пенни и Колин. Алекс и Ада. Я представляю себе, как они на прощание машут мне руками, пока я медленно бреду по причалу. Пройдут годы, но я знаю, где всегда смогу найти их.

Глава 1

Сиэтл, 12 июня 2008 года

Я ступила на старый причал, и он будто бы издал протяжный стон. Сгушались сумерки, но над моей головой раскачивались гирлянды из лампочек, они освещали дорогу.

Что там сказала по телефону женщина из арендного бюро? Седьмой плавучий домик слева? Точно. По крайней мере, мне так кажется. Я покрепче ухватила свой чемодан и медленно пошла вперед. Рядом плавно покачивалась на воде яхта, пришвартованная к двухэтажному плавучему домику с верхней палубой на крыше и кедровой обшивкой, от сырости и ветров ставшей грязно-серой. На передней палубе на столе тускло мерцал фонарь, но через пару секунд язычок пламени погас – возможно, от ветра или его кто-то затушил. Я живо представила себе, как обитатели этого жилища выглядывают из темных окон, наблюдая за мной и перешептываясь: «Вот она, – говорят они, – наша новая соседка».

– Я слышал, она из *Нью-Йорка*, – с ухмылкой произносит кто-то из них.

Я ненавижу эти тихие перешептывания, любопытные взгляды. Именно нездоровое любопытство к моей персоне и заставило меня покинуть Нью-Йорк. «Бедняжка, – месяц назад услышала я слова коллеги, выходявшей из лифта в здании офиса. – Не представляю, как ей удастся спокойно вставать по утрам после всего, что *случилось*. Если бы со мной такое произошло, я, наверное, не смогла бы больше жить». – Я вспомнила, как пугливо пряталась в холле, пока она не повернула за угол. Я бы не вынесла ее сочувствующего и жалостливого взгляда. А иногда в глазах таких «доброжелателей» можно было даже заметить ужас. В Сиэтле мое прошлое будет надежно спрятано под покровом облаков.

Я затаила дыхание и вскинула голову, когда где-то вдалеке услышала скрип дверных петель. Остановилась на мгновение, готовясь к встрече с неизбежным. Однако мне удалось различить лишь каяк, медленно скользящий по глади озера, – другого движения поблизости не наблюдалось. Единственный пассажир лодки приветливо кивнул мне и словно растворился в лунном свете. Причал слегка качнулся на волне, и я пошатнулась, пытаясь удержать равновесие. Нью-Йорк далеко от Сиэтла, и у меня еще немного кружилась голова после долгого полета через весь континент. Я замедлила шаг и в который раз задумалась: а стоило ли затевать все это?

Я прошла мимо двух других плавучих домиков. Один был серого цвета с застекленными створчатыми дверями, выходящими на север, а на крыше его красовался флюгер. Следующий был желто-коричневый, с цветочными контейнерами на окнах, в которых цвели пышные кусты герани. Палубу перед входом украшали различные вазы и клумбы, и я остановилась, чтобы полюбоваться голубыми гортензиями, растущими в терракотовом горшке. Кто бы ни были обитатели этого жилища, они, несомненно, искусные садоводы. Я подумала о садике, который я устроила на балконе своей квартиры в Нью-Йорке, – это был простой ящик для растений, где я посадила листовую свеклу и базилик для... Я закусила губу, снова почувствовав прилив тоски, но фонарь на веранде дома номер семь вернул меня к действительности. Я остановилась, чтобы как следует рассмотреть дом, которому суждено было стать моим новым жилищем. Он располагался на самом краю причала и гордо покачивался на волнах, словно бросая вызов всем моим страхам. Его покрывала потемневшая кедровая обшивка, а на втором этаже был открыт иллюминатор. Я не смогла сдержать улыбку: все было точно так, как описано в рекламном буклете. Я облегченно вздохнула.

Итак, я здесь, и я одна...

Пытаясь открыть дверь ключом, я почувствовала волнение, а ноги внезапно стали ватными, и, когда дверь наконец открылась, я упала на колени, обхватила голову руками и зарыдала...

Три недели назад

Уже девять утра, и лучи нью-йоркского солнца, льющиеся сквозь окна кабинета доктора Эвинсона на восьмом этаже, настолько ослепительны, что я прикрыла глаза ладонью.

– Простите, – говорит он, указывая на ставни, – вас беспокоит свет?

– Да, – отвечаю я. – Впрочем, нет, я просто... – На самом деле меня смущали не лучи солнца, а то известие, которое мне предстояло ему сообщить...

Я вздохнула и выпрямилась в пышном кресле в бело-зеленую полоску. На стене красовалась фотография Мика Джаггера в рамке с подписью певца. Я улыбнулась про себя, вспоминая, как в первый раз вошла в кабинет доктора Эвинсона год назад, ожидая увидеть черную кожаную кушетку и чисто выбритого человека в строгом костюме, который будет ободряюще кивать мне всякий раз, как я буду подносить платок к увлажненным слезами глазам.

По словам жены моего брата, Джоани, он самый востребованный психотерапевт на Манхэттене. Среди его пациентов был и Мик Джаггер – теперь понятно, откуда эта фотография, – и прочие знаменитости. После смерти Хита Леджера² его бывшая жена Мишель Уильямс посещала доктора Эвинсона каждую неделю. Я точно об этом знаю, потому что видела ее как-то раз, когда она сидела в приемной, небрежно листая номер «Ю-Эс викли». Однако список известных клиентов доктора не слишком меня впечатлил. Честно говоря, я всегда ужасно боялась психотерапевтов, боялась того, что им удастся вытащить из меня, а самое главное, того, что они могут заставить меня *почувствовать*. Но все же Джоани уговорила меня пойти на прием. Впрочем, уговорила – это мягко сказано. Однажды утром она назначила мне встречу в ресторане на первом этаже дома, где находился офис доктора Эвинсона, а затем погрузила в лифт и доставила на восьмой этаж. Когда я дошла до его приемной, меня охватило непреодолимое желание развернуться и уйти, но меня остановили слова секретарши за стойкой: «Вы, должно быть, пациент, которого доктор Эвинсон ожидает в девять».

Я с большой неохотой вошла в кабинет, и взгляд мой упал на полосатое кресло, в котором мне придется сидеть каждую пятницу с девяти часов.

– Вы, наверное, ожидали увидеть кушетку, не так ли? – спросил доктор Эвинсон с обезоруживающей улыбкой.

Я кивнула.

Он слегка покрутился на стуле, поглаживая седую бородку.

– Никогда не доверяйте психотерапевтам, укладывающим пациентов на кушетки.

– Хорошо, – сказала я, опускаясь в кресло. Мне невольно вспомнилась когда-то прочитанная статья о научных спорах в отношении кушетки как инструмента психотерапии. Фрейд предпочитал сидеть за головой пациента, который обычно лежал перед ним на кушетке. Очевидно, он не был поклонником визуального контакта. Тем не менее другие мозгоправы, включая доктора Эвинсона, считали, что работа с пациентом с использованием кушетки крайне непродуктивна и не дает пациенту раскрыться. Эту точку зрения разделяли многие специалисты, считая, что такое положение создает впечатление доминирования психотерапевта над пациентом и напрочь устраняет возможность настоящего диалога и какой-либо осмысленной обратной связи между ними.

² Хитклифф Эндрю (Хит) Леджер (1979–2008) – австралийский актер. После успешных ролей в кино и на телевидении Австралии в 1990-х годах Леджер в 1998 году переехал в США. (Прим. ред.)

По поводу своего отношения к кушетке ничего определенного я сказать не могла, но почему-то все равно чувствовала себя не в своей тарелке в кабинете доктора. Тем не менее я заставила себя сесть в мягкое кресло, утопая в пышных подушках. Прикосновение бархатистой ткани было неожиданно приятным, словно вокруг меня сомкнулись ласковые объятия. Слова полились из моих уст сами собой, и я рассказала психотерапевту все.

Я откинула голову на мягкую подушку.

– Вы все еще страдаете бессонницей? – спросил он.

Я пожала плечами. Доктор прописал мне снотворное, которое, надо сказать, немного облегчало мое состояние. Но тем не менее я все еще каждое утро просыпалась в четыре утра и лежала с широко открытыми глазами, а сердце по-прежнему сжимала сильная боль. И ничто не могло избавить меня от этого мучительного состояния: ни антидепрессанты, ни успокоительное, ни валиум, которым меня напичкали в больнице в тот день, когда мой мир изменился навеки. Ничто не могло принести избавления от боли, одиночества и ощущения, что я навсегда стала чужой в этой жизни.

– Вижу, вы что-то от меня скрываете, – произнес доктор.

Я отвела взгляд.

– Ада, в чем дело?

Я лишь покачала головой.

– Вам это не понравится. – Я уже знала, что его молчание означает, что я должна продолжать. Я глубоко вздохнула. – Подумываю о том, чтобы уехать из Нью-Йорка.

Доктор удивленно поднял брови.

– И почему же?

Я потерла лоб.

– Все дело в воспоминаниях, – ответила я. – Это просто невыносимо. Я больше не могу... – Я была готова разрыдаться, хотя не плакала в этом кабинете вот уже несколько месяцев. Я уже было подумала, что лечение помогло мне, и я, как выражается доктор Эвинсон, достигла определенного уровня – плато. До настоящего момента я чувствовала себя довольно уверенно.

– Если я уеду, – произнесла я дрожащим голосом, – если я уеду, возможно, я забуду свою боль. Может быть, я... – В отчаянии я закрыла лицо руками.

– Что ж, хорошо, – произнес доктор Эвинсон, который всегда умудрялся найти положительные моменты при всех поворотах беседы. – Перемены могут пойти вам на пользу. – Он кивнул, когда я наконец отняла руки от лица, но в его глазах я заметила тень скептицизма, что, собственно, и мне самой было не чуждо. Эта ситуация в психологии называется «дерись или убегай», она не раз случалась во время наших сеансов, но я, как правило, не поддавалась на эти провокации.

– Давайте поговорим об этом, – продолжал доктор. – Итак, вы действительно хотите уехать из дома, бросить работу? Я же знаю, как важно для вас и то и другое.

В прошлом месяце меня назначили заместителем главного редактора журнала «Сан-райз», и, таким образом, в свои тридцать три года я стала самым молодым сотрудником, занявшим эту должность. На прошлой неделе от лица своего журнала я делилась с телезрителями советами по поводу путешествий всей семьей в программе Мэтта Лоуэра «Тудэй шоу». *Надо признать, что, несмотря на блестящие успехи в карьере, моя личная жизнь, уничтоженная два года назад, напоминала засохшее дерево.*

Где бы я ни находилась: дома у окна или в маленьком кафе на Пятьдесят шестой улице, – воспоминания преследовали меня, разрывая душу. Они словно нашептывали: «Помнишь, какой совершенной была твоя жизнь? Помнишь о счастливых временах?»

Я поморщилась и взглянула доктору Эвинсону прямо в глаза.

– Мои дни заполнены работой – я тружусь не покладая рук, – произнесла я. – Но работаю я вовсе не потому, что мне это нравится. Хотя раньше я действительно получала от этого удовольствие. – Слезы снова навернулись на мои глаза. – Впрочем, все это не имеет ровным счетом никакого значения. Я чувствую себя словно ребенок, который изо всех сил старается создать прекрасное произведение искусства на школьном уроке рисования, но когда приносит этот шедевр домой, его просто некому показать. – Я вскинула руки. – Когда рядом никого нет, какое все это имеет значение? – Я смахнула слезы. – Мне надо уехать из этого города, доктор Эвинсон. Я уже давно это понимаю и больше не в силах здесь находиться.

Он задумчиво посмотрел на меня. Я подумала, что он меня понял.

– Значит, вы думаете, что это хорошая идея? – спросила я прерывающимся от волнения голосом.

– Думаю, в этом есть определенный смысл, – ответил доктор после недолгого раздумья. – Но лишь в том случае, если у вас действительно есть веские причины для отъезда. – Он внимательно смотрел на меня понимающим взглядом, который, казалось, проникал в самую душу. – Но вы же пытаетесь убежать от боли, не так ли, Ада?

Я была уверена, что он обязательно задаст этот вопрос.

– Возможно, – честно призналась я, смахивая со щеки слезу. – На самом деле я больше не хочу страдать. – Я покачала головой. – Это становится невыносимым.

– Ада, – продолжил доктор, – вам придется смириться с мыслью, что, возможно, вы будете испытывать страдания всю свою жизнь. – Его слова были словно удары тупого ножа, но я знала, что придется выслушать до конца. – Одна из задач нашего с вами общения – это помочь вам жить с этим горем, сделать так, чтобы вы могли справиться со своими эмоциями. Меня беспокоит то, что вы пытаетесь как будто отдалиться от этой боли и убедили себя, что страдание живет лишь в Нью-Йорке, тогда как на самом деле оно прячется здесь. – Он прижал руку к сердцу.

Я отвела глаза. Он был прав, и все же...

– И куда же вы направитесь? – спросил он, чуть помедлив.

– Пока не знаю, – ответила я. – Куда-нибудь подальше от этого города.

Он откинулся на спинку стула, запустил пальцы в волосы, а потом сцепил ладони.

– У моей дочери в Сиэтле живет подруга, у которой есть плавучий домик. Она хочет сдать его в аренду.

– Плавучий домик? – Я удивленно вскинула брови. – Как в том фильме с Томом Хэнксом и Мэг Райан?³

– Ну да, – произнес он, вытаскивая визитную карточку из ящика письменного стола. – Она приезжала навестить мою дочь и приглашала нас с женой к себе погостить.

– Даже не знаю, – прошептала я. – Я-то думала отправиться куда-нибудь в теплые края. Но ведь в Сиэтле постоянно идут дожди?

– Вы же знаете, что говорят о дожде, – с улыбкой произнес доктор. – Это божьи слезы.

– Значит, будет кому поплакать со мной вместе, – сказала я, честно пытаюсь улыбнуться.

Он протянул мне карточку, на которой я прочитала имя: «Роксанна Уэнтуорт».

– Благодарю вас, – сказала я, убирая ее в карман и поднимаясь из кресла.

– Помните, что я сказал, – напомнил мне доктор Эвинсон, снова указывая на сердце. Я кивнула, молясь в душе, чтобы он оказался не прав, потому что у меня просто не было больше сил испытывать такие муки. Мое сердце не выдержит, если боль не утихнет.

³ Речь идет об американской мелодраме 1993 г. «Неспящие в Сиэтле». В главных ролях Том Хэнкс и Мэг Райан. Режиссер Нора Эфрон. (Прим. ред.)

* * *

Один гудок, затем второй. Я уже расхотела звонить. Внезапно идея уехать из Нью-Йорка показалась мне безумной. Бросить работу? Переехать в Сиэтл? Жить в плавучем домике? Я уже собиралась прервать вызов, когда услышала в трубке приветливый голос.

– Это офис мисс Уэнтуорт. Чем могу быть полезна?

– Здравствуйте, – неуверенно произнесла я, пытаюсь взять себя в руки. – Это говорит... Меня зовут Ада Санторини, и мне хотелось бы узнать... насчет плавучего домика, который вы сдаете.

– Санторини, – произнесла женщина. – Какая красивая фамилия. Я знала семью с такой же фамилией, когда училась в Милане. Вы, должно быть, итальянка?

– Нет, – я поспешила ее разуверить. – Я имею в виду, это фамилия мужа... то есть... Послушайте, у меня такое впечатление, что вы уже сдали этот домик.

– Вовсе нет, – сказала женщина. – Он свободен с начала месяца. И он совершенно очарователен, хотя я уверена, что вы об этом уже знаете, потому что наверняка видели его фотографии на сайте.

– Фотографии?

– Ну, конечно, – ответила она и зачитала веб-адрес, который я тут же ввела в поисковую строку в компьютере. Дверь в моем офисе была приоткрыта, и оставалось только надеяться, что любопытная стажерка в соседнем отсеке не прислушивается к разговору.

– Вот это да! – воскликнула я, просматривая фотографии. – Действительно, он просто прелесть.

Может быть, доктор Эвинсон все-таки ошибается. Может, я смогу убежать от боли. Я чувствовала, как бешено колотится в груди сердце, но тут на экране появилось послание от главного редактора: *«Сюжет в «Тудэй» – это просто хит. Продюсер хочет, чтобы ты продолжила цикл передач с советами о путешествиях с детьми. Будь в студии завтра в пять утра, чтобы тобой занялись парикмахер с гримером»*. Голова моя слегка кружилась. Нет, нет. Я не могу. Я этого больше не вынесу.

– Да, я хочу его снять, – неожиданно для самой себя произнесла я.

– Так вы согласны? – спросила женщина на другом конце провода. – Послушайте, может, вы хотите знать подробности? Мы же даже не обсудили условия аренды.

Надоедливая стажерка уже стояла в дверях. В руках у нее был августовский номер нашего журнала с обложкой, на которой были изображены маленькая девочка с мамой, с улыбками на лицах раскачивающиеся в гамаке.

– Нет-нет, – быстро произнесла я. – Это неважно. Я его снимаю.

Глава 2

Я открыла глаза и какое-то время пребывала в блаженном и в то же время пугающем неведении, не понимая, где нахожусь. Потом я услышала тихий плеск волн за окном, и мир наконец обрел ясные очертания.

Я лежала на диванчике, прикрывшись тонким белым покрывалом. На ногах были сандалии, а большой черный чемодан все еще стоял у двери. Я оглядела комнату в плавучем домике, как будто видела ее впервые. Часы показывали без четверти шесть – значит, на Восточном побережье уже почти девять. Осознав это, я испытала шок, поскольку уже много лет не просыпалась так поздно.

Я поднялась с дивана и прошла на крохотную кухню. Пробежав руками по кухонной стойке, нащупала медный ключ, лежавший на извещении с шапкой агентства недвижимости «Уэнтурт»: «Добро пожаловать в Сизтл», – прочитала я. – Это запасной ключ. Если Вам что-либо понадобится, позвоните нам». Я сунула ключ в карман. Взгляд упал на кофеварку. Я налила свежую воду в контейнер, засыпала молотый кофе «Старбакс Брекфест бленд» и стала наблюдать, как из дребезжащего аппарата с шипением вытекает темная струя.

Я заглянула в кухонный шкафчик, открыла несколько ящиков, с удовольствием отметив, что в них полно всяческой посуды. Целый набор кастрюлек и сковородок, явно не новых, висел на крючках над плитой. Да, на этой кухне готовили много еды. Винные бокалы выстроились в ряд на открытой полке, а на соседней красовались бокалы для шампанского. Я подумала о том, сколько людей прикасались губами к тонкому стеклу, – и, казалось, слышала звук трещоток и радостные крики «С Новым годом!», увидела, как толпа веселых людей радостно распевает на палубе новогодний гимн «Старое доброе время»⁴. Были ли они счастливы здесь? Буду ли счастлива здесь я?

Сняв с полки кувшинчик, я наполнила его кофе, поднесла к носу... кажется, пахнет неплохо. Я отпила немного и прошла в большую комнату, где напротив белой книжной полки у стены стояли кресло с подставкой для ног и маленький столик для компьютера, на котором можно было бы разместить ноутбук. На полке стояли книги, очевидно доставшиеся в наследство от прежних жильцов – Мейв Бинчи, Стивен Кинг. Я улыбнулась, заметив среди них «Автостопом по Галактике»⁵ – когда-то одну из любимых книг Джеймса.

Крепко зажмурившись, я прошла дальше за угол, где нашла компактную стиральную машину, сушилку, бельевой шкаф и крохотную ванную комнату с душевой кабинкой и застекленным потолком. Крошечное квадратное окошечко выходило на причал и простирающееся за ним озеро. Мимо проплыла небольшая моторная лодка, в которой сидела молодая семья – маленькая девочка в розовом надувном жилете и мальчик постарше на корме рядом с отцом. Я отвела глаза, не в силах смотреть на них.

На обратном пути я заметила на стене картину с изображением старого парусника. Прищурив глаза, разглядела название «Каталина», выведенное синими буквами на его борту. Я вспомнила островок неподалеку от побережья Сан-Диего. Девять лет назад – через год после свадьбы – я побывала там по заданию «Санрайз». *Мне нравилось наблюдать, как морские птицы, парившие над волнами бухты, стрелой устремлялись к волнам в поисках добычи. Джеймс сопровождал меня в этой поездке. Мы обожали лакомиться панини в маленьком прибрежном кафе... Глубоко вздохнув, я с усилием заставила себя вернуться к картине. Надутые*

⁴ «Старое доброе время» (Auld Lang Syne) – шотландская песня на стихи Роберта Бёрнса, написанная в 1788 г. Известна во многих странах, особенно англоязычных, и чаще всего поется при встрече Нового года, сразу после полуночи. (Прим. ред.)

⁵ «Автостопом по Галактике» (англ. «The Hitchhiker's Guide to the Galaxy») – серия сатирических научно-фантастических романов английского писателя Дугласа Адамса. (Прим. ред.)

ветром паруса кораблика гордо реяли над деревянным корпусом. Судя по яркой синеве волн, судно бороздило тропические моря. Возможно, где-то в районе Багамских островов или в другом месте Карибского моря. Куда держит путь это суденышко под названием «Каталина»? Оно выглядело так, будто устремилось в бесконечность, оно было наполнено жизнью и бесстрашно неслось вперед. Никакие якоря, никакие опасения не могли остановить его на этом пути. Я протянула руку и прикоснулась к холсту. Знаю, не стоило злоупотреблять гостеприимством и хватать все руками, но я просто не смогла удержаться. Волшебная картина словно притягивала меня. Я пробежала пальцами по очертаниям корабля, чувствуя текстуру краски, нанесенной кистью художника.

За спиной я обнаружила лестницу – она скорее походила на судовой трап, – ведущую на верхний этаж. Пригнув голову, я поднялась по ней... и через несколько секунд под моими ногами заскрипели еловые половицы верхней комнаты, служившей спальней. Там я увидела двуспальную кровать, покрытую накрахмаленным ослепительно-белым бельем, которое выглядело свежевystираным и тщательно выглаженным. В углу стоял старомодный комод с медными ручками в виде львиных голов. Над деревянным изголовьем постели находился иллюминатор. Он был распахнут, и я почувствовала дуновение прохладного утреннего ветерка, услышала пронзительные крики пролетающей мимо парочки диких гусей, которые на бреющем полете почти касались лапами поверхности озера.

Я осторожно спустилась вниз по лестнице в гостиную. Через застекленную створчатую дверь я разглядела покачивающуюся на волнах яхту. В офисе арендного бюро мне ничего не сказали о яхте. Ее деревянный корпус был покрыт пятнами цвета меда. Она выглядела старой, но довольно ухоженной. Я отперла дверь и вышла на палубу. У плавучего домика слева от меня я заметила мирно дремлющего золотистого лабрадора. В это время в Нью-Йорке я бы уже сидела за письменным столом в офисе и, поглощая вторую чашку эспresso, просматривала бы оригинал-макет журнала. Я бы занималась этим до часа, пока кто-нибудь из сотрудников не утащил бы меня на ланч в кафе за углом. Там бы я что-нибудь съела, почти не чувствуя вкуса, а потом стремглав помчалась бы на рабочее место. Как обычно, просидела бы на работе до девяти вечера, когда уже появлялась команда уборщиков, и медленно потащилась бы домой. Моя пустая квартира пугала меня.

Я опустила на деревянное кресло-лежак, откуда можно было любоваться западным побережьем озера Юнион, где на водной глади уютно расположились лодки и плавучие домики. Справа простирались покрытые изумрудной травой холмы, повсюду высились заброшенные промышленные сооружения, которые выглядели почти как скульптурные группы. Вспоминая сведения, почерпнутые из путеводителя, который я пролистала в самолете, я решила, что это, очевидно, был Гасуоркс-парк, разбитый на месте старого газоперерабатывающего завода. Потом я целый час наслаждалась зрелищем скользящих по водной глади яхт. Ветер доносил протяжные звуки скрипки, но понять, откуда они раздаются, было совершенно невозможно. Я вспомнила, как Джеймс как-то сказал, что звуки, распространяющиеся над поверхностью воды, обманчивы, и иногда можно слышать шепот, произносимый на расстоянии в полмили. Я как зачарованная внимала чудесной мелодии, когда она вдруг прервалась. За спиной послышались шаги, и мужской голос произнес:

– Генриетта!

В его голосе слышалось беспокойство, и на какое-то мгновение я испугалась, уж не произошло ли какое-нибудь несчастье. Я осторожно прошла на край палубы, чтобы посмотреть, что творится на причале. Мужчина стоял ко мне спиной. Он был высокого роста и довольно строен для своих преклонных лет. Он повернулся. Судя по усталому взгляду, ему было никак не меньше шестидесяти. Серые волосы, разделенные косым пробором, падали на лоб, как у Эрнеста Хемингуэя на фотографиях в музее в Ки-Уэст, придавая ему довольно лихой молодежавый вид и своеобразную привлекательность.

Наконец он меня заметил.

– О! Вы, должно быть, наша новая соседка. – Его лицо осветила приветливая улыбка. – Прошу прощения за яхту, – продолжил он, указывая на суденышко, пришвартованное у моей палубы. – Я собирался убрать ее оттуда до вашего приезда. Понимаете, я нанял людей, чтобы починить палубу своего дома, и мне пришлось...

– Не волнуйтесь, все нормально, – ответила я, направляясь в его сторону. – Меня зовут...

– Джим, – представился он.

– Ада, – сказала я, пожимая его руку. – Я приехала вчера вечером. Сняла этот дом.

Он улыбнулся.

– Ну что ж, позвольте мне первому поприветствовать вас с прибытием на Лодочную улицу.

Я взглянула на него с недоумением.

– О, мы так называем наш причал, – пояснил мой новый знакомый.

Я улыбнулась.

– Простите, не сразу поняла. Я вижу, вы кого-то ищете? Кажется, вы звали Генриетту?

Улыбка мгновенно исчезла с его лица, он нахмурился.

– Ах да, – он потряс головой. – Хейнс, где ты там, старичок?

Я ждала, что произойдет дальше, окончательно сбита с толку. Через минуту из-за угла робко выглянула голова селезня. Он вразвалочку поковылял к Джиму, остановившись на мгновение, чтобы посмотреть на меня.

– Понимаете, у этого самого Хейнса есть жена – прекрасная уточка по имени Генриетта. К сожалению, эта парочка часто ссорится, и прошлой ночью они учинили жуткий скандал.

Джим говорил безо всякого сарказма, словно нисколько не сомневался в том, что любовные отношения пары уток заслуживали исключительно серьезного отношения. Я с трудом сдерживала улыбку, но в конце концов рассмеялась.

– Думаете, она от него сбежала? – спросила я, изо всех сил стараясь вновь стать серьезной.

– Да нет, – ответил Джим. – Она просто сидит в каком-то уголке и дуется. На прошлой неделе я нашел ее в каяке. Она отсутствовала целых два дня, и Хейнс был сам не свой от горя.

Джим опустил на колени перед селезнем, который тут же нахохлился и громко крикнул.

– Вы знаете, утиные пары неразлучны всю жизнь.

– Я слышала об этом, – ответила я. – Это так трогательно.

– Как бы то ни было, – продолжил он, поднимаясь на ноги, – мы надеемся, что хоть в этом году появится выводок утят.

Я невольно повторила с улыбкой: – Утят?

Он озабоченно кивнул.

– Они вместе уже целых пять лет, и пора бы уже иметь наследников.

– Будем надеяться, что в этом году у них появится желанное потомство, – тихо проговорила я.

– Вполне возможно. Во всяком случае, если увидите Генриетту, дайте мне знать. Я живу через четыре домика от вас.

– Вот как? – произнесла я, вспоминая садик, мимо которого я прошла прошлым вечером. – Значит, это вы посадили все эти цветы. Надо сказать, они просто великолепны.

– Нет, это не я, – поспешно сказал он. – Это сад моей матери. Мои родители живут в соседнем от вас домике. А я вырос на этом причале. – На несколько мгновений он погрузился в раздумье. – Я надолго уезжал отсюда, но когда в прошлом году соседний домик был выставлен на продажу, я решил его купить.

Джим пристально смотрел на причал, словно восстанавливая в своей памяти картину пятидесятилетней давности.

– Когда я уехал, то поклялся, что больше никогда не вернусь. Полагаю, в восемнадцать лет все так думают. – Он пожал плечами. – За эти годы я усвоил лишь одну истину – время все лечит. – Джим сделал вид, что внимательно изучает цветы перед родительским домом. – Несмотря ни на что, дом есть дом. И сердце всегда принадлежит ему.

Я неуверенно кивнула в знак согласия, думая о родительском доме. Уже много лет я не была в Канзас-сити. Мне неприятно было вспоминать о причине, по которой я избегала поездок туда, я старалась вытеснить ее из своего сознания, словно заливала тлеющие угли водой. Нью-Йорк... Нет, он теперь тоже не может считаться моим домом. В настоящее время я не привязана ни к одному месту в мире.

– Во всяком случае, мне просто необходимо было вернуться. У родителей плоховато со здоровьем. Простой осенью мама сломала бедро. Слава богу, сейчас она уже на ногах, но все еще очень слаба. А у отца проблемы с памятью. Правда, временами наступает улучшение.

– Мне очень жаль, – искренне произнесла я, вспомнив о собственных родителях, и на минуту почувствовала раскаяние из-за той стены молчания, которую я невольно выстроила между нами. Просто я не могла сейчас слышать их голоса, видеть их лица – на них ясно отражалась та боль, которую я испытывала сама. За год до того, как произошла трагедия, мы летом навещали их... Я на секунду прикрыла глаза и отчетливо увидела Эллу...

Туманный, обычный для Среднего Запада теплый вечер... моя девочка весело прыгает по двору, пытаюсь поймать светлячков. Вот она подбегает ко мне со сложенными вместе ладошками. «Смотри, мама, – ее звонкий голосок отчетливо раздавался в моей голове, как будто это происходило в действительности. – *Я одного поймала! Как мы его назовем?*»

Я улыбаюсь и отвожу ее в дом. Там на кухне в буфете мы находим старую стеклянную банку с крышкой, и я показываю дочери, как правильно оборудовать домик для светлячков, положив на дно несколько веточек и листьев и проделав отверстие в металлической крышке с помощью острого столового ножа, чтобы крошечное создание могло дышать. «Ну вот, – говорю я, – теперь у тебя есть собственный светлячок». Она прижимает носик к стеклу. «Можно мы возьмем его домой в Нью-Йорк?». Я качаю головой. «Нет, милая, – мягко говорю я. – Пусть он живет здесь».

Мне не пришлось тогда пускаться в долгие объяснения – она все понимала. Элла понимала жизнь гораздо лучше других маленьких девочек ее возраста. Я вздыхаю, вспоминая о том волшебном лете, о Джеймсе, моих родителях, которые установили на заднем дворе новые качели специально для Эллы – своей единственной внучки. Нет, я просто не могла видеть родителей. Поэтому когда они позвонили, я не сняла трубку, и повторяла это много раз. В конце концов я написала им письмо, где пообещала, что позвоню, когда буду готова. Но я представить себе не могла, когда это случится.

Джим посмотрел вниз на селезня Хейнса и расплылся в улыбке.

– Знаете, как бы то ни было, хорошо, что они рядом со мной.

– Конечно, – безучастно ответила я.

– А как насчет вас? – неожиданно спросил он. – Что вы считаете своим домом?

Мой взгляд устремился вдаль, как будто я и в самом деле могла рассмотреть свою квартиру на Манхэттене за очертаниями высоких зданий Сиэтла, а затем повернулась и взглянула своему собеседнику в лицо.

– Мне приходилось жить во многих местах, – ответила я.

– Понятно, – произнес он. Его глаза как-то таинственно светились, как будто бы он понимал, о чем идет речь, как будто бы у него была собственная тайна. – В таком случае вам должно здесь понравиться.

– Надеюсь на это, – ответила я. – Кстати, не подскажете, где тут ближайший магазин, где можно было бы купить самое необходимое?

Джим понимающе кивнул и указал на улицу прямо за причалом.

– Магазин Пита, – ответил он. – Через несколько кварталов отсюда. Он его держит уже тысячу лет. Между прочим, там прекрасное вино. И, учтите, если вам что-то срочно понадобится, вы всегда можете заскочить ко мне. Мы здесь привыкли помогать друг другу и всегда готовы поделиться хлебом, яйцами или молоком.

Я не могла не улыбнуться.

– Благодарю вас.

Я снова повернулась к озеру, а затем обратила взгляд на улицу, идущую вдоль причала.

– Вчера вечером, когда я приехала, было темно, поэтому я еще плохо ориентируюсь. Не могли бы вы пройтись со мной и показать, что где находится?

Он согласно кивнул.

– Охотно. Лучшая кофейня в Сиэтле находится как раз на холме в Истлейк, и советую вам обязательно наведаться в итальянский ресторан «Серафина».

– Звучит весьма заманчиво, – сказала я. Если бы Джеймс был сейчас здесь, он бы уже разыскал этот ресторанчик и заказал бы столик на двоих на этот вечер.

– На всем Восточном побережье вы не найдете более дружелюбных соседей, чем у нас.

Он повернулся к Хейнсу, который, казалось, внимательно слушал нашу беседу.

– Ну что ж, я, пожалуй, продолжу поисковую экспедицию, – произнес Джим и, порывшись в кармане, извлек оттуда корочку хлеба. – Его любимое лакомство – черствая итальянская лепешка.

– Надеюсь, вы найдете его подругу, – произнесла я. Хейнс наклонил голову, как будто понял, о чем я говорю.

Джим улыбнулся в ответ.

– После обеда я отгоню яхту на свой причал.

– О, пожалуйста, не беспокойтесь, – ответила я. – Мне она ничуть не мешает. И даже придает определенный колорит.

Он потер лоб.

– Ну, если вы не возражаете...

– Я даже настаиваю, чтобы вы ее здесь оставили, – уверила его я.

– Наша «Каталина» стала достопримечательностью этих мест. У нее своя история.

Я недоуменно посмотрела на собеседника. Видимо, название яхточки было написано на другой стороне. Но я тотчас же вспомнила картину на стене. «Каталина»?

Он широко улыбнулся.

– В моем домике, – медленно произнесла я, указывая на застекленные двери, – висит картина...

– Я знаю, – поспешно сказал он, и я увидела, как сверкнули его глаза. – Ну что ж, буду рад снова вас видеть, соседка.

Глава 3

Пенни Уэнтуорт

Сиэтл, 8 июня 1959 года

Декстер снова ушел. Я поднялась, вышла на палубу перед плавучим домиком и опустила ноги в холодную воду. Палуба, как всегда в утренние часы, покачивалась. В это время лодки покидают южную часть озера и направляются к шлюзам. Почему-то когда это происходит, я чувствую себя одинокой и покинутой.

Я посмотрела направо, где мой новый сосед из ближайшего домика возился с новой лодкой, он сам ее строил. Сейчас он полировал рейки песком, и движения его были размашистыми, но плавными. Я наблюдала за ним, словно загипнотизированная, пока он внезапно не поднял на меня взгляд и не расплылся в улыбке. От смущения я покраснела и поспешила отвести взгляд. Еще слишком рано, и по негласным правилам в эти утренние часы люди обычно занимаются личными делами на причале. Я довольно долго смотрела на волны озера, а потом снова взглянула на причал, где трудился Колин. На нем была белая майка с треугольным вырезом, на которой проступали пятна пота. Я могла различить очертания его груди, мускулы, выступающие под тонкой хлопковой тканью. Он вытер лоб тыльной стороной ладони. Я быстро отвела взгляд, чтобы наши глаза не встретились. И принялась болтать ногами в прохладной воде озера – темного, как чаша, наполненная кобальтово-синей, местами даже черной краской. Я наклонилась вперед и попыталась, как не раз это делала, проникнуть взглядом под поверхность воды, в ее темную глубину. Напрасные усилия – я снова увидела лишь свое отражение, расплывчатое и искаженное. Я едва узнала себя, и в этот момент снова задумалась о том, что, возможно, мне суждено закончить свои дни здесь, в этом плавучем домике в полном одиночестве.

* * *

А ведь с Декстером я познакомилась абсолютно случайно. Этого бы никогда не произошло, если бы он не забыл дома свой портфель. Или если бы я не вышла за кофе для учительницы ровно в девять тридцать утра. Или если бы строительная бригада на Пятой авеню не перегородила Мэдисон-стрит. Или если бы не пошел дождь. Если бы не все эти обстоятельства, наши пути никогда в жизни бы не пересеклись.

9 марта 1956 года Декстер Уэнтуорт въехал в мою жизнь прямо на такси. Он опустил окно.

– Садитесь – незачем мокнуть под дождем. Я отвезу вас, куда вам надо.

Он был лет на двадцать старше меня и просто пугающе красив – с мужественным подбородком, точеными чертами лица и густыми темными волосами. Голос его был ровным и низким. Спокойный и уверенный в себе мужчина с внешностью киногероя.

– Но мне надо лишь добежать до кафе за углом, – пыталась сопротивляться я, приглаживая взлохмаченные волосы. *Что на этот счет подумала бы мисс Хиггинс?* Несомненно, в частной школе для девушек из приличных семей было запрещено даже разговаривать с незнакомым мужчиной, не говоря уж о том, чтобы сесть с ним в одно такси. Но дождь все усиливался, а он открыл дверь автомобиля и протянул мне руку.

– Ну, хорошо, – сказала я. – Благодарю вас.

В такси было тепло и приятно пахло смесью одеколона и сигарного дыма.

– Что такая прекрасная девушка делает на улице под проливным дождем?

– Я пошла за кофе, – сказала я. – Для моей учительницы.

Было заметно, что наш разговор его забавляет.

– Учительницы?

– Ну да, – сказала я. – Я учусь в Академии мисс Хиггинс.

Он улыбнулся еще шире.

– Это школа-пансион для девушек, не так ли?

Мои щеки вспыхнули. Мне не понравился тон, которым он произнес эти слова. И, если начистоту, мне не нравилась сама мысль о том, что я училась в этом заведении. Это мама настояла на моей учебе в пансионе. Она утверждала, что для девушки из южной части Сиэтла единственный шанс выйти замуж за приличного человека – это поступить в Академию мисс Хиггинс. Выйти замуж. А я никогда не думала о замужестве. Но мама хотела, чтобы я получила в жизни все, чего была лишена она сама. Поэтому я подчинилась ее воле.

– Это у вас сегодня задание такое – сходить за кофе?

Я нахмурилась, не зная, что ответить, и в этот момент такси остановилось рядом с кафе «У Бетт».

– Спасибо, что подбросили, – сказала я, протягивая руку к двери.

– Подождите, – произнес он. – Я вовсе не хотел вас обидеть. Послушайте, позвольте мне угостить вас кофе.

Я испуганно посмотрела на него.

– Нет, благодарю вас, мистер...

– Уэнтурт, – уточнил он. – Декстер Уэнтурт. – *Почему его имя показалось мне таким знакомым?*

Я кивнула и вышла из такси.

– Не торопитесь, – сказал он, опуская окно. – Вы не можете уйти, не назвав мне своего имени.

Я помедлила. Впрочем, чем мне это грозит? Я же его больше никогда не увижу.

– Меня зовут Пенни, – представилась я. – Пенни Лэндри.

– Рад с вами познакомиться, мисс Лэндри.

* * *

Я не стала ничего рассказывать подружкам в классе о встрече с Декстером Уэнтуртом, но они сами начали что-то подозревать, когда после обеда в тот день в пансион доставили огромную вазу с роскошными темно-розовыми лилиями, которые вызвали всеобщее восхищение. К букету была прикреплена записка. «Приглашаю на ужин в «Олимпик» сегодня вечером. Заеду за вами в восемь. Декстер».

Сначала я возмутилась его бесцеремонностью и подумала, что этот тип проявляет изрядную самоуверенность, рассчитывая, что я соглашусь на встречу. Потом девочки столпились вокруг меня, охая и ахая от восхищения. Тут мисс Хиггинс – высокая, худощавая, с седыми волосами, уложенными в тугие локоны, и безупречно наложенной губной помадой, удосужилась прочитать текст на визитной карточке. Скептическое выражение на ее строгом лице внезапно улетучилось.

– Ты же знаешь, кто этот мужчина, не так ли, Пенни?

Я непонимающе замотала головой.

– Это Декстер Уэнтурт, – продолжила она. – Художник. Его картины выставлены в галереях по всему миру. Самый завидный жених в Сиэтле. – Она недоуменно потрясла головой, словно пытаясь понять, каким же образом мне удалось поймать такую добычу.

– Мы познакомились сегодня утром, – заявила я вызывающим тоном. – Он подбросил меня до кафе. – Девочки просто рты пооткрывали от удивления. – Потому что шел дождь, – добавила я.

– Ну, я сейчас просто позеленею от зависти, – воскликнула Сильвия. – Подумать только, ведь это я могла пойти за кофе вместо тебя. Везет же некоторым!

Мисс Хиггинс похлопала Сильвию по спине.

– Пусть это послужит тебе уроком, – сказала она. – Пенни превосходно справилась с курсовой, и, посмотрите, какую награду она получила!

Я усмехнулась. Ну, конечно же, мисс Хиггинс никогда не упустит возможности прочитать нравоучения!

– Сильвия, а тебе, пожалуй, после обеда стоит попрактиковаться, как правильно наносить макияж. Видишь ли, ты с завидным упорством накладываешь румяна слишком высоко на скулах, и из-за этого лицо кажется слишком угловатым.

– Да, мэм, – сказала она, поспешив удалиться в туалетную комнату.

– Вивьен, – обратилась мисс Хиггинс к самой младшей девочке-толстушке, которой только-только исполнилось семнадцать.

– Да, мисс Хиггинс? – пропищала Вивьен тоненьким голоском.

– Я заметила, что ты снова лакомишься пирожными, – с упреком в голосе произнесла директриса. – Мне кажется, мы с тобой уже обсуждали новый режим питания.

– Да, мэм, – проямлила девочка, опустив глаза.

– Что ж, придется тебе лишний час заниматься гимнастикой.

– Конечно, мисс Хиггинс, – покорно согласилась Вивьен, направляясь к лестнице.

– Что касается тебя, Пенни, – сказала мисс Хиггинс, умильно складывая ладони и одаривая меня такой улыбкой, словно я была лучшей ученицей в классе и ее любимицей. – Мы проведем остаток дня в подготовке к этому очень важному событию в твоей жизни.

* * *

Когда три месяца спустя Декстер сделал мне предложение руки и сердца, я не стала отказываться. Если подумать, какой у меня был выбор? Когда мужчина опускает бриллиантовое ожерелье в вашу ладонь со словами: «Примерь-ка это – оно будет смотреться на тебе потрясающе», конечно же, вы улыбнетесь и приложите его к шее, с восторгом любуясь своим отражением в зеркале. Поэтому я, не раздумывая, приняла его предложение, возможно, даже не успев понять, влюблена ли я в Декстера Уэнтуорта на самом деле или мне просто нравилась сама мысль о влюбленности. После того как головокружение первого этапа ухаживания несколько утихло, я смогла увидеть его таким, каким он был на самом деле: чувствительным, безумно талантливым и очень заботливым человеком, который искренне меня любил и которого я тоже полюбила. Мы расскажем об истории нашей любви своим детям, и они будут смеяться, слушая нас. Мы просто обречены жить долго и счастливо, как в сказке, – по крайней мере, так мне тогда казалось...

Я чуть не лишилась чувств, когда мама затягивала шнуровку моего свадебного платья.

– Вот дитя воды и приплыло к своему берегу, – сказала она мне, пока я разглядывала свое отражение. Помнится, я тогда быстро отвела глаза от зеркала.

После свадебного торжества Декстер на руках перенес меня через порог, который слегка покачивался. У него был дом на Куинн-Энн-Хилл, но он предпочитал жить в плавучем домике на озере Юнион. Декс утверждал, что здесь ему легче творить, волны озера улучшают творческий процесс и помогают думать. Я помню ощущение качки, когда он опустил меня на пол, хотя, возможно, дело было не только в озерной ряби – просто у меня кружилась голова. Разглядывая гору холстов и других атрибутов художника, письменный стол темного цвета, рас-

ставленные по углам весла, покрытые яркой краской, и вырезанные из дерева фигурки рыб – подарки от друга-художника, потомка американских индейцев, я задумалась о том, каким образом может такая женщина, как я, вписаться в этот очень мужской антураж. Но в этот момент Декстер повернулся ко мне.

– Не беспокойся – ты можешь здесь все изменить. – Он всегда был щедр и великодушен.

Я закрыла глаза, пытаюсь вспомнить, как он смотрел на меня тогда, с какой любовью и страстью.

В этот момент из кухни раздался звон таймера духовки, это отвлекло меня от воспоминаний. Я совсем забыла о булочках с черникой. Вытащив ноги из воды, я вбежала в дом, поспешно схватила кухонную рукавицу и вытащила из плиты пышущие жаром булочки, распространяющие умопомрачительный аромат. На прошлой неделе я поведала Декстеру о том, что мечтаю открыть булочную-пекарню, но он лишь рассмеялся в ответ.

– Да ты уже через пять минут возненавидишь это занятие, – сказал он, напрочь отменяя эту идею.

– Это неправда, – возразила я. Он похлопал меня по коленке.

– Дорогая, я тебя знаю. Это занятие тебе очень быстро наскучит.

Я не могла объяснить ему, что уже давно испытываю смертельную скуку. У Декстера была его живопись. А у меня... ровным счетом ничего. Мама всегда говорила, что я должна быть благодарна судьбе за возможность не утруждать себя работой. Она твердит, что любая женщина пошла бы даже на убийство, чтобы оказаться в моем положении. Но мне так хочется найти себе хоть какое-то занятие. Закончив убирать дом, чинить одежду и гладить белье, я начинаю просто маяться от безделья. Мне нужно что-то гораздо большее.

Я застыла, уставившись на противень с булочками. Меня мучила мысль – а вдруг Декстер прав? Что я вообще знаю о том, как вести свое дело? Я тряхнула головой и переложила булочки с противня на охлаждающую решетку, выбрала три и завернула их в белоснежное кухонное полотенце. Угощу-ка ими Колина, нового соседа по Лодочной улице. Мне одной не съесть столько, и кто знает, когда Декс вздумает вернуться домой, а зачем добру пропадать?

Я побежала к задней двери, чтобы обуться, и вдруг услышала шарканье ног по палубе.

– Привет! – сказала я, выглядывая из задней двери. – Кто там?

Я увидела маленького Джимми Клайда, который сидел, прислонившись к стене домика. Он подтянул колени к груди и спрятал в них лицо. Джимми был восьмилетним сыном Наоми и Джина Клайдов, которые жили за три плавучих домика от меня, если идти вдоль причала. В выходные Джимми любил сидеть с удочкой на палубе прямо перед моим окном. В прошлую субботу ему удалось поймать форель, и я помогала ему ее почистить. Пока я жарила форель на чугунной сковороде, он сидел, болтая ногами, на высоком табурете за кухонной стойкой. Я подала рыбину на обед с маслом и петрушкой, и Джимми сказал, что это самый вкусный обед, который он когда-либо ел. Это был прекрасный комплимент, учитывая, что его мать готовила просто божественно.

– О, дорогой, – сказала я, бросаясь к нему. – Что случилось?

– Мама меня ненавидит, – произнес малыш, вытирая слезы.

– Этого не может быть, милый, – сказала я, глядя его по голове. – Как можно тебя ненавидеть?

– А почему она сказала папе, что хочет отослать меня в интернат?

Я покачала головой.

– Уверена, что она вовсе не это имела в виду.

Он посмотрел на меня.

– Но она же это сказала. Они не знали, что мне все слышно из верхней комнаты, когда они разговаривают внизу.

Джимми – единственный ребенок на нашем причале. Совершенно понятно, что он не вписывается в мир своих родителей – мир вечеринок с коктейлями, карьерных достижений, где все тщательно спланировано. Однажды мне довелось видеть его мать, Наоми, когда она случайно наступила на одну из игрушек Джимми, валявшуюся на кухонном полу во время званого ужина. Я была потрясена выражением ее лица – оно до сих пор стоит у меня перед глазами. Создавалось такое впечатление, что у нее аллергия на собственного сына.

Джимми внезапно поднял голову.

– Я знаю, что делать! – воскликнул он.

– Что же? – спросила я, стараясь улыбнуться как можно беззаботнее.

– Я могу перейти жить к тебе. Ты будешь моей мамой.

Мое сердце чуть не разорвалось. Я крепко сжала его ручонку.

– Я была бы счастлива, если бы могла быть с тобой все время, но твои родители слишком тебя любят, чтобы отдать тебя кому-то другому. Ты же сам это знаешь, милый.

Он послушно кивнул, но взгляд был отсутствующим. Этот мальчик безумно одинок. Как и я.

Глава 4

Ада

Я выудила мобильный телефон из сумочки, и, увидев, что есть непринятый входящий звонок, обрадовалась, и набрала номер Джоани. Она ответила после первого же гудка.

– Это ты, Ада?

– А я уже сижу тут в плавучем домике, – ответила я. – И до сих пор не могу решить, нравится ли мне здесь или стоит взять билет на самолет домой.

– Не делай этого, – ответила она. – Подожди. Время покажет.

Вдали раздался гудок.

– Что это? Корабль?

– Разумеется, – сказала я, глядя, прищурившись, на озерную гладь, которая сверкала на солнце, словно усеянная бриллиантами. – Кажется, это буксир.

– Ну, гудит так, что заглушает шум уличного движения, – сказала Джоани. В трубке я различала звук моторов и гудки на улицах Нью-Йорка. И тут впервые осознала, что не слышала ни единого гудка автомобиля с самого момента прибытия в Сиэтл. И мне это нравилось.

– Точно, – ответила я, выходя на палубу и усаживаясь в деревянное кресло-лежак. – Ты не поверишь – я проспала до самого утра. Этого не случалось с самого...

– Вот и умница, – сказала она. – Может быть, ты сможешь выбросить на помойку эти ужасные снотворные таблетки. Я на прошлой неделе читала какую-то статью в *«Нью-Йорк таймс»*, где предупреждали, что они могут привести к смертельному исходу.

– Отлично, – ответила я, – звучит обнадеживающе. Значит, если бессонница меня не доконает, это сделает снотворное.

– Мне кажется, Сиэтл может стать твоим антидотом, – осторожно заметила Джоани. – Не исключено, что жизнь на воде окажет на тебя благоприятный терапевтический эффект. Может быть, тебе будет легче засыпать на воде. По крайней мере, это точно успокаивает.

– Но все-таки я живу в плавучем домике, – уточнила я. – Но в остальном согласна – это место весьма своеобразно. Очень отличается от Нью-Йорка. Ритм жизни здесь не такой суматошный.

– Ну, и прекрасно, – бодро сказала Джоани. – Это именно то, что тебе сейчас нужно. Ты уже познакомилась с кем-нибудь из соседей?

– С одним из них.

– Это *мужчина*?

– Так, прекрати, – остановила ее я. – Это вовсе не то, о чем ты думаешь. Он в отцы мне годится.

– Вот как?

Я поспешила сменить тему разговора.

– Думаю, стоит сегодня покататься на каноэ.

– Разумеется, стоит, – сказала она. – Помнишь, как Джеймс любил походы на каяке?

Меня просто захлестнула волна паники. Ладони вспотели, во рту пересохло.

– С тобой все в порядке, милая?

– Да, – сказала я. – Просто я...

– Знаю. Мне не следовало затрагивать эту тему. Ты, случайно, не видела выступление Лорен Кейн в программе «Тудэй» сегодня утром?

– Они взяли ее в программу? – Лорен была младшим редактором в «Санрайз», *она отчаянно хотела заполучить мое место и всегда плела против меня интриги.*

– Конечно, она совсем не так хорошо смотрится на экране, как ты, – продолжала Джоани. – Слишком много мычания в паузах, ну и так далее...

Странно, но после этих слов мне вдруг стало немного легче, хотя я все еще сомневалась в правильности сделанного выбора. Ведь мне пришлось отказаться от того единственного, что я умела делать хорошо и что составляло смысл моей жизни. Мне даже захотелось немедленно схватить чемодан и со всех ног нестись в Нью-Йорк, чтобы потребовать назад должность в журнале и вернуться к привычному образу жизни. Неужели та жизнь действительно была столь ужасна? И неужели я была так уж несчастна?

Я попрощалась с Джоани, а мои мысли снова вернулись на Восточное побережье, к жизни, от которой я убежала. Я словно слышала голос доктора Эвинсона: «Не стоит пытаться контролировать ход своих мыслей, – обычно говорил он. – Дайте им свободу».

Я так и делала, честно, когда испытывала очередной приступ боли. Но это мне почему-то не помогало.

Год назад

Я сижу на вращающемся стуле перед зеркалом, а женщина по имени Уитни легкими ударами пальцев старательно наносит тональный крем под моими глазами. В гримерке «Тудэй шоу» горят *ослепительно яркие лампы, от которых нестерпимо жарко, и я слегка ерзаю на стуле. Я знала, что гримерша прекрасно видит темные круги под моими глазами. Бессонница еще никого не красила.*

– Вам стоит пить больше зеленого чая, – говорит она. – Это очень хорошо для кожи.

Я покорно киваю. Мой выход в эфир запланирован через тридцать минут – мне придется рассказывать о пяти самых популярных маршрутах для путешествий всей семьей. Я испытываю отвращение даже при мысли об этом. Если начистоту, никто меня не принуждал участвовать в этой передаче. Главный редактор предлагал заменить меня ответственным редактором, если я не готова. *А готова ли я?* Это не имеет ровным счетом никакого значения. В одном я не сомневаюсь: я никогда больше не буду радоваться жизни, и это изменить нельзя. Так почему же не вернуться к привычной работе, которая иногда действовала на меня как анальгетик, ведь я днями напролет крутилась как белка в колесе. Все эти съемки, телепередачи, куда нужно было приходить на высоченных каблуках и с увесистыми ожерельями...

Уитни повернула мой стул, и я наконец вижу свое отражение в зеркале.

– Роскошная девочка, которую мы все любим и знаем, – с гордостью произносит гримерша. Я едва узнаю себя. Такое впечатление, что магия Уитни каким-то волшебным образом стерла с моего лица темные круги и убрала припухлость век. Следы ночных слез мастерски спрятаны под толстым слоем грима. Я вспомнила, как заместитель редактора «Риал Ливинг» давал мне советы в мою бытность помощником редактора: «Симулируй оргазм, пока на самом деле не кончишь». В свое время эти слова вызывали у меня бурю возмущения. Но теперь, глядя на свое преображенное отражение в зеркале, я буквально цепляюсь за эти слова, как за спасительную соломинку, словно влюбленная женщина, находящаяся в патологической зависимости от партнера. Я внимательно изучаю в зеркале свои черты – передо мной женщина с идеальной кожей. Ни малейшего намека на страдание, которое прячется глубоко в душе. Да, пожалуй, я смогу притворяться, пока не пойму, как мне жить дальше.

Следующие десять минут я провожу в обществе Стэйси, стилиста, которая с помощью фена превращает мои бессильно повисшие волосы в элегантные локоны, безупречным каскадом падающие на плечи. Облако лака для укладки ставит последнюю точку в этом волшебстве.

– Через пять минут начинаем, – сообщает заглянувший в комнату продюсер.

Я его почти не слышу, но послушно киваю, затем встаю и, словно на автопилоте, направляюсь в студию, осторожно ступая на высоченных каблуках. Я просматриваю карточки с текстом, которые вручила мне ассистентка.

Ранчо «Конская подкова» с конными турами по национальному парку Йосемити для всей семьи. Гостиница «Каньон-Лодж» в Вайоминге...

У меня комок подступает к горлу, когда я вижу надпись на следующей карточке. Как они могли?

Непродолжительная поездка по побережью в штате Мэн – гостиница «Уотербрук» расположена у живописнейшего водопада, который пока еще не слишком известен в мире.

Мэтт Лауэр в этот день облачился в красный галстук и, как всегда, восседает на высоком стуле.

– Выражаю вам глубокое сожаление по поводу того, что произошло с вашей семьей, – говорит он. – Хорошо, что вы снова с нами.

Я машинально киваю, как обычно... как сотни, даже тысячи раз с момента того ужасного несчастного случая... и занимаю место рядом с ним.

Я смутно слышу доносящуюся издалека музыку, шаги продюсеров и видеооператоров. Вот загорелись прожекторы, и Мэтт Лауэр выпрямился на стуле.

– Добро пожаловать на шоу «Тудэй», – объявляет он. – К нам присоединилась Ада Санторини из журнала «Санрайз», чтобы рассказать о пяти наиболее интересных местах для семейного отдыха в этом году.

Боль пульсирует в моей груди, но я стараюсь не обращать внимания. Я исправно отвечаю на все вопросы, которые задает мне Мэтт, и даже рассказываю о тропе, ведущей к водопаду от гостиницы «Уотербрук». Я улыбаюсь и вежливо киваю головой. И делаю это на протяжении всего интервью. Я притворяюсь. А когда мой микрофон наконец отключается, бросаюсь за кулисы и бегу через бесконечный коридор, чтобы спрятаться в дальнем туалете. Я задыхаюсь. Глядя в зеркало, я чувствую глубочайшую ненависть к женщине, которая смотрит на меня оттуда.

* * *

Я смахнула со щек слезы, посмотрела на затянутое облаками небо Сиэтла и глубоко вздохнула. Мне нельзя расклеиваться. Потому что иначе, боюсь, я рассыплюсь на кусочки и уже никогда себя не соберу воедино. Но какой смысл в моей дальнейшей жизни, если просто незачем просыпаться по утрам?

Мысль была тривиальной, но верной. Нужно найти какое-то занятие. Я вспомнила, что несколько месяцев назад начала писать мемуары. Может, за этим я и приехала сюда? Я остановилась на двадцать пятой странице, поскольку этот процесс был слишком болезненным. Но сейчас, после того как Джоани произнесла имя Джеймса – *Джеймс! О боже!* – у меня вдруг возникло желание снова открыть эту папку и извлечь тот самый файл. Мне вдруг захотелось писать.

Я вытащила из сумки ноутбук и положила на колени. Мысленно попрощавшись с Джоани, я открыла файл с воспоминаниями, которые еще не успела озаглавить. Словно большая яхта, плавно скользящая по поверхности озера, или, может, утка, преследующая добычу в воде, я некоторое время смотрела на пустую первую страницу, а потом напечатала:

Плавание

Воспоминания Ады Санторини

Глава 5

Пенни

– Оставайся здесь, сколько захочешь, – предложила я Джимми. Мне бы не хотелось, чтобы булочки остыли, когда я буду угощать ими Колина. Они гораздо вкуснее теплые. – Мне надо на секунду забежать к соседу.

Мальчик кивнул и снова опустил ноги в воду.

Я украдкой бросила взгляд в зеркало у двери. Булочки, завернутые в кухонное полотенце, приятно согревали руки. Я одернула светло-голубое платье и застегнула верхнюю пуговичку вязаной кофты. Но тут я услышала стук каблуков по причалу, которые явно приближались ко мне, и подняла голову.

– Нет, вы только на нее посмотрите, – промурлыкала Наоми. – Так разодеться утром в четверг! – Она оценивающе взглянула на меня. – Куда это ты собралась? Для ланча еще слишком рано.

Она разговаривала со мной, словно я была ребенком, как, впрочем, и большинство друзей Декстера. И это сущая правда – мне всего двадцать два года, а Наоми по крайней мере на десять лет старше меня и к тому же практикующий психиатр с ученой степенью. А я? Я всего лишь закончила Академию мисс Хиггинс.

Я взглянула на булочки, и мне почему-то стало стыдно.

– Я тут собиралась угостить...

– Так это мне? – она протянула руку и взяла булочки. – Как мило с твоей стороны. Знаешь, у меня совсем нет времени печь всякие вкусности, очень плотный график.

На ней белые брюки и синий свитер, перетянутый поясом, что выгодно подчеркивало осиную талию. Она, несомненно, красива, причем той утонченной красотой, которой отличаются интеллектуалки из круга общения Декстера. Длинные ногти, покрытые ярким лаком, неизменная сигарета в длинном, усыпанном бриллиантами мундштуке. Она откинула полотенце и расплылась в улыбке – все это явно ее забавляло.

– Ну надо же, *булочки*.

Я с сожалением подумала о Колине.

– Декстер их никогда не ест. Даже не знаю, зачем я все это пеку.

Наоми снова завернула булочки в полотенце.

– Ну, на самом деле он любит французские круассаны, – заявила она. – Тебе надо научиться их готовить. Можно пройти курс в кулинарной школе. Мне кажется, Декстеру это понравится.

Я хотела поинтересоваться, откуда она знает, что мой муж любит французские круассаны, и сказать, что мои булочки ничем не хуже, чем эти хваленые рогалики, но вовремя остановилась. Натянуто улыбнувшись, я поблагодарила ее за совет. Наоми – единственный психиатр, с которым я когда-либо была знакома, и она меня пугает своим цепким взглядом и темными волосами, тщательно уложенными в элегантное каре с косой челкой, падающей на лицо. Я как-то попыталась сделать такую же прическу и провозилась битых два часа, пытаясь выпрямить волосы с помощью утюга и гладильной доски, и при этом обожгла большой палец. Как выяснилось, мне совершенно не шел этот стиль. Декстер, придя вечером домой, недоуменно спросил: «Что случилось с твоими волосами?»

– Что-то я давненько не встречалась с Дексом, – проворковала Наоми. В ее голосе слышалось любопытство. – Полагаю, он все эти дни проводит в студии?

Мне очень не нравилось, что она называет моего мужа Декс. Ведь это я его так называю. Но я все же согласно кивнула, представляя себе, как мой муж работает в мастерской на пло-

щади Пионеров. Он снял ее сразу после Нового года, и в то время это казалось хорошей идеей, особенно учитывая, что его холсты и мольберты в скором времени грозили заполнить всю гостиную. Однако я и предположить не могла, что он будет проводить там так много времени, а мне будет без него очень одиноко.

– Да, – сказала я притворно уверенным тоном, – он очень много работает. А я не люблю ему мешать, понимаешь?

Внезапно Наоми с брезгливой гримаской указала на цветы, растущие в горшках перед входом в плавучий домик.

– Нет, вы только посмотрите на это, – воскликнула она, как будто увидела что-то ужасное.

Она протянула руку и выдернула длинный стебель вьющегося растения, усеянный белыми цветами, похожими на граммофончики.

– Что это? – спросила я.

Она одарила меня снисходительной улыбкой.

– Это очень вредный сорняк, – сообщила она, швыряя вьюнок в озеро. Я молча наблюдала, как белые цветы покачиваются на воде. У меня возникло непреодолимое желание опуститься на колени и вытащить растение, пока оно не утонуло. – Называется «утреннее сияние», – продолжала Наоми, встряхивая волосами. – Если с ним не бороться, он тут все заполонит.

Я наблюдала, как волны уносят несчастный вьюнок все дальше от берега. Маленькие цветы то исчезали под водой, то снова оказывались на поверхности, как будто отчаянно ловили воздух. Я подумала, что, возможно, растение прибьется к другому берегу и волны вынесут его на землю, где оно начнет новую жизнь – пустит корни и зацветет. Может быть, Наоми просто освободила его?

Я подумала о голубых колокольчиках, которые росли в саду моей матери, когда я была еще ребенком. Конечно, их тоже можно было считать сорняками. Но я собирала их целыми охапками и составляла невероятно красивые букеты.

– Иногда и сорняки бывают красивыми, – произнесла я.

– Красивыми? – фыркнула Наоми. Она сдула прядь темных волос с глаз и самодовольно улыбнулась. – Разве они могут быть красивыми, дорогая?

– Ну, хорошо, – примирительно сказала я, замечая, что из двери выглядывает Джин – муж Наоми. Надо сказать, они совершенно не подходили друг другу. Он был тихим, а она резкая и прямолинейная. И еще он был мягким и приветливым, в отличие от Наоми. И в то же время, судя по тому, как он смотрел на эту женщину, было ясно, что он испытывает к ней глубокую любовь, но я никогда не могла понять, чем она заслужила это чувство.

– Дорогая, – сказал он. – Я только что приготовил омлет. Хочешь попробовать? – Тут он заметил меня и приветственно помахал рукой.

– О, привет, Пенни. Я и на твою долю могу приготовить, если хочешь.

Холодный взгляд Наоми отнюдь не располагал к совместному завтраку, поэтому я вежливо отказалась.

– Спасибо, Джин. Я уже поела.

Он преподавал английскую литературу в Вашингтонском университете и часто оставлял разные книжки на пороге моего домика.

– Ты уже прочитала последнюю книгу? – спросил он. Наоми не выказывала никакого интереса к книжной теме, впрочем, как и к любой другой, если разговор затян не ею.

Я кивнула.

– Да, роман Хемингуэя. Мне очень понравилось. Как бы мне хотелось когда-нибудь отправиться в Париж. А книгу я вам занесу после обеда.

– Я тебе ее дарю, – с улыбкой заявил Джин. – Книги Хемингуэя должны стоять на книжной полке любого человека. Между прочим, у меня есть еще один его роман, который, думаю, тебе тоже понравится. Я его как-нибудь тебе занесу.

– Спасибо, – ответила я.

Наоми подошла к мужу и поправила галстук.

– Джин, не стоит носить клетчатые рубашки. Это дурной вкус.

Он поцеловал ее в лоб и робко улыбнулся.

– Ты права, дорогая. Кстати, ты нашла Джимми?

– Нет, – сказала она, закатывая глаза. – Несносный мальчишка.

Джин нахмурился.

– Боюсь, мы с ним слишком строги.

Наоми раздраженно передернула плечами.

– Надеюсь, ты понимаешь, что он может *провалить экзамены* за второй класс?

– Ну, я, пожалуй, пойду, – сказала я, чувствуя себя неловко из-за того, что пришлось присутствовать при размолвке между родителями мальчика.

Джин на прощание помахал мне рукой и направился к дому.

– Подожди-ка, – произнесла Наоми, следуя за мной. – Мне надо поговорить с тобой о Джимми.

Я тотчас же подумала о малыше, который сидел, скрючившись, за моим домом. Мне надо было бы сказать ей, что он там, но я не смогла. Я решила дать ему еще немного времени.

– Отныне по выходным он будет сидеть дома, – сурово произнесла она, чем напомнила мне учительницу в пятом классе, которая однажды так меня отшлепала, что у меня были кровоподтеки размером с блюдце. – Мы с Джином считаем, что было бы лучше, если бы он меньше времени проводил... у твоего дома...

– Вот как? – сказала я, слегка задетая ее словами. – Прошу прощения, но я не...

На лице Наоми снова появилась улыбка, которая показалась мне весьма натянутой и застывшей.

– Дело вовсе не в тебе, дорогая, – сказала она. – Просто мы считаем, что нам самим надо лучше за ним присматривать. Мы наняли репетитора, и к тому же с ним будет заниматься психиатр, который постарается решить его *проблемы*.

Мы обе подняли глаза, заметив Колина, который неподалеку от нас продолжал усердно трудиться над яхтой, шлифуя ее деревянный борт каким-то инструментом. Я живо представила это судно во всей красе – с блестящей тиковой обшивкой и гордо реющими белоснежными парусами, которые смогут унести своих хозяев далеко-далеко... Увы, я была уверена, что Декс никогда не согласится покинуть свой любимый Сиэтл – этот город дарил ему вдохновение.

Я исподволь наблюдала, как работает Колин. Его мускулы напрягаются, когда руки скользят вверх-вниз по борту лодки, движения скупы и отточены. Он уже снял майку, и загорелая кожа блестела на солнце. На какое-то мгновение я забыла, что рядом находится Наоми, и вдруг почувствовала на себе ее пытливый взгляд.

– Вижу, ты уже успела познакомиться с новым соседом, – произнесла она.

– Нет пока, – поспешно ответила я, чувствуя, как краска заливает щеки. – Но мне нравится смотреть на его яхту. Как бы мне хотелось когда-нибудь иметь такую же.

– Понятное дело... – тихо произнесла Наоми. – Ну что ж, пожалуй, пора идти. Первый пациент появится через полчаса, а мне еще надо отвести Джимми в школу и каким-то образом успеть добраться до офиса в центре. Разумеется, если я найду этого ребенка.

– Пока, – ответила я, но мой взгляд невольно вернулся к Колину. Он поднял голову, и наши глаза встретились. Он улыбнулся, и мне ничего не оставалось, как улыбнуться в ответ.

* * *

– Мне очень жаль, что я последнее время так много времени проводил без тебя, Пенни, – сказал мне Декс за ужином в тот вечер. Он вернулся домой в семь, ужин был готов уже давно и успел остыть. Пришлось разогревать в духовке тушеное мясо. Оно уже не было таким сочным, но Декс не упрекнул меня, что доставило мне радость. – Работаю над большим заказом.

– Знаю, – сказала я, переплетая наши пальцы. – Просто хотелось бы, чтобы ты приходил домой почаще, вот и все.

Я видела темные тени у него под глазами, и морщины на лбу показались мне более глубокими. Да, кажется, двадцатилетняя разница в возрасте между нами становится все заметнее.

– Ты ведь все это время и не спал толком, ведь так? – Я уже знала, что когда Декс трудится над картиной, он обычно не спит.

– Чуть-чуть поспал, – ответил он, потирая лоб.

Я подвинула к нему свой стул и поцеловала его, но он отвернулся.

– Что происходит, Декс?

– Ничего особенного, – ответил он. – Я же говорил тебе, я просто устал.

Ком встал у меня в горле.

– Ты расстроен? Я тебя чем-то обидела?

Он повернулся ко мне.

– Нет, – ответил он быстро, слишком быстро. – Дело в том... Послушай, я попросил Наоми посоветовать мне хорошего психиатра. Понимаешь, у меня началась депрессия.

– Психиатр? Депрессия? – я недоуменно посмотрела на мужа. – Декс, я ничего не понимаю.

– А тебе и не нужно понимать, – сухо ответил он. – Послушай, я тебе все это сказал, потому что... впрочем, не будем заострять на этом внимание, ладно? Нам сейчас не помешало бы развлечься. – Он слегка коснулся губами моей руки. – Почему бы не пригласить соседей, не устроить вечеринку с коктейлями, как мы часто делали раньше?

Я согласно кивнула.

– Хорошо, если это доставит тебе удовольствие.

Где ты, счастье? Когда-то мы с Декстером были счастливы. Я закрыла глаза и попыталась вспомнить, когда в последний раз считала его своим – безраздельно своим, безо всяких тайн, невысказанной грусти и тяжелой завесы депрессии, причины которой были мне не ясны и в которой я винила исключительно себя. Мой мозг тщетно пытался пробраться сквозь беспорядочные воспоминания о некогда высказанных словах и нарушенных обещаниях, пока наконец не остановился на том самом вечере год назад, когда проходил бал, ежегодно устраиваемый благотворительным фондом Сиэтла. Вокруг Декстера роились люди – в основном женщины. Тем не менее в тот вечер Декс никого не замечал вокруг, кроме меня. Я помнила, как он взял меня за руку и поцеловал запястье, когда мы вместе вышли на танцпол. Он крепко прижимал меня к себе, мы танцевали в такт музыке, которую исполнял оркестр, и глаза его сияли так же ярко, как огни хрустальной люстры над головой.

– Ты здесь самая красивая, – с гордостью произнес он. – И ты принадлежишь мне.

Мне нравилось, что он мной гордится. Но почему? У меня не было ни особого таланта, который позволил бы проявить себя в творчестве, ни образования. Я изо всех сил старалась приспособиться к его особому миру, отвечая остроумными шутками на интеллектуальные высказывания его высоколобых сверстников, но мне все время казалось, что они видят меня насквозь.

Я всматривалась в лицо Декса, когда мы танцевали, а он нежно сжимал меня в объятиях. Мне так хотелось знать, что я для него значу, и в тот вечер я наконец решилась задать ему важный для меня вопрос.

– Скажи, почему ты выбрал именно меня?

– Ты прелестна, – ответил он. – Ты самая прекрасная женщина, которую я встречал в своей жизни. – Он поцеловала меня в лоб и продолжил: – Я думаю, что каждый мальчик мечтает вырасти и найти такую женщину, как ты.

Я задумалась о детстве Декса, о котором почти ничего не знала. Его мать была строгой, чопорной женщиной – полная противоположность моей. В ее объятиях не было тепла. Она всегда держала его на расстоянии, отдав на воспитание няням и гувернанткам. Я снова взглянула в его лицо и поняла, что он искал материнскую любовь, которой был всегда лишен, что он нашел ее во мне. Я была польщена, но в то же время это был вызов. Смогу ли я быть женщиной, которая ему нужна? В тот вечер мне казалось, что это возможно. Я поклялась себе, что всегда буду любить Декстера, чтобы заполнить глубокую пропасть в его душе, где пряталась боль.

Что же изменилось сейчас? Я вдруг с отчаянием поняла, что моей любви ему явно не хватает. Демоны, терзающие Декстера, были сильнее меня, и вряд ли мне по силам с ними совладать.

Домик покачивался на волнах, и я сидела, глядя на озеро и сияющие огни города, раскинувшегося над ним. Декс на мгновение сжал мою руку и потянулся за газетой. Мы сидели рядом, но меня не покидало ощущение, что мой муж ускользает от меня.

Глава 6

Ада

К двум часам я успела проголодаться и решила навеститься в маленький супермаркет Пита, о котором мне сообщил Джим. Я шла по причалу и вдруг обратила внимание на очаровательный плавучий домик слева с белой обшивкой и ящиками на окнах, в которых когда-то, вероятно, росли прекрасные цветы. Очевидно, этот дом пустовал, потому что медный почтовый ящик у двери был переполнен корреспонденцией, которая уже вываливалась из него. Я опустила, чтобы поднять упавшее на землю письмо, и прочитала имя адресата: Эстер Джонсон. Я запихнула его обратно в почтовый ящик. Интересно, кто такая эта Эстер Джонсон и вернется ли она когда-нибудь сюда, чтобы забрать свою корреспонденцию?

Небольшая прогулка в магазин позволила мне рассмотреть причалы, к которым были пришвартованы плавучие домики, и я с любопытством изучала каждый из них. Они все были разными, и каждый хорош по-своему. Некоторые были весьма причудливы и изобиловали необычными деталями, другие выкрашены в яркие цвета, украшены китайскими колокольчиками, издававшими мелодичный звон при малейшем дуновении ветерка. Часть строений представляли собой дорогие современные дома, где на кухнях, несомненно, красовались морозильные камеры и плиты, отвечающие требованиям самых взыскательных любителей изысканных блюд. Тем не менее, несмотря на разницу стилей, это скопление плавучих домиков в целом выглядело совершенно отдельной экосистемой, наполненной самыми разнообразными формами жизни.

Я перешла улицу и наконец увидела магазинчик Пита. Войдя в маленький супермаркет, я взяла тележку и принялась бродить от одной стойки с товарами к другой. Примерно через полчаса продавец с седой бородкой уже упаковывал пакет молока, яблоки, бананы, хлеб, головку сыра чеддер, яйца, морковь, пять упаковок замороженных овощей, две куриные грудки, упаковку базилика, головку чеснока, пачку спагетти и бутылку белого вина. Когда я расплачивалась кредиткой, то заметила, что он улыбается мне.

– Недавно приехали? – спросил он.

– Да, – ответила я. Я чувствовала себя так, словно на моей спине прилеплен знак, на котором крупными буквами написано: РАЗВЕ НЕ ВИДИТЕ – Я НЕ МЕСТНАЯ!

– Остановились в плавучем домике?

Я кивнула.

– На каком причале?

– На Лодочной улице, – ответила я.

– А, на Лодочной, – продолжал он, поднимая бровь. – Это одна из моих любимых. Знаете, у нее своя история.

– Правда? – спросила я, принимая из его рук чек.

Он склонился ко мне, словно хотел поведать какую-то тайну, не предназначенную для чужих ушей.

– Давным-давно там пропала одна леди. Просто исчезла однажды ночью. Полиции так и не удалось установить, что же с ней все-таки случилось. И, если хотите знать, обитатели Лодочной улицы не слишком помогали в расследовании.

Стоящая позади меня женщина с наполненной до краев тележкой многозначительно закашляла.

– Что ж, – произнесла я. – Благодарю вас, мне пора...

– А в каком плавучем домике вы остановились? – спросил продавец, передавая мне два бумажных пакета с продуктами.

– В последнем на этом причале, – ответила я.
Его глаза расширились.
– Так она там и жила.

* * *

Было уже девять вечера, и к этому времени я должна была бы устать, но почему-то чувствовала себя совершенно бодрой. Меня охватило беспокойство – похоже, вернулась бессонница. Я натянула легинсы и ночную рубашку и вышла на палубу. Было тепло, что, как я слышала, редко бывает в Сиэтле в июне. Солнце садилось, и над моей головой висели темные облака, словно ждали, когда солнце спрячется за горизонтом, чтобы окутать все небо и завладеть ночным городом. Я вдруг вспомнила, что где-то на полке видела банку какао, направилась на кухню, вскипятила в миске немного молока и насыпала туда щедрую порцию шоколадного порошка. Я закрыла глаза и снова увидела ее лицо – лицо моей малышки.

* * *

– Мама! – кричит Элла, вбегая в комнату вместе с Джеймсом. Шапочка с двумя розовыми заячьими ушками болтается на шее. У нее не хватает одного переднего зуба. Розовощекая мордашка просто излучает жизнерадостность. – Посмотри, что я сделала для тебя в школе! – Она вручает мне рисунок и расплывается в улыбке. На нем изображены все мы: я, Джеймс и Элла. Мы стоим перед неким подобием пряничного домика. – Это Северный полюс, – уточняет малышка.

– Смотри! – она указывает на санки, несущиеся в небе. – Это же Санта и Рудольф!

Я обнимаю ее. Она слишком мала для девяти лет и легкая, как перышко, поэтому я люблю качать ее на руках.

– Милая, мне так нравится твой рисунок. – У нее такие холодные щечки. – Тебе надо согреться, – говорю я. – Хочешь горячего шоколада?

Она хлопает в ладоши от радости.

– Да-а-а!

– Сегодня, видимо, пойдет снег, – говорит Джеймс, целуя меня в щеку. У него тоже холодные губы. – На улице уже минус двадцать.

Я хмурюсь.

– Думаешь, Санта все же сможет до нас добраться?

– Конечно, – отвечает он. – У него же внедорожник.

Я не могу сдержать улыбку. Несмотря на то что Джеймс жил в Нью-Йорке последние пятнадцать лет, он вырос в Монтане и провел все детство, помогая родителям на ранчо. Они до сих пор не понимали, как он может комфортно себя чувствовать в кишащем толпами городе после необъятных просторов Запада, но тем не менее очень гордились сыном. Джеймс великолепно учился в школе, с отличием окончил университет, прошел стажировку в «Вашингтон пост», после чего получил должность заместителя редактора в «Нью-Йорк таймс», где в конце концов стал ведущим колонки о путешествиях. Но когда родилась Элла, он принял решение оставить это занятие, чтобы иметь возможность быть дома и заниматься ребенком. Это решение далось ему очень нелегко, но дело было в том, что я только-только была назначена редактором отдела в «Санрайз» и моя зарплата была почти в два раза выше той, что получал Джеймс в своей газете. Так что все это имело смысл.

Я запускаю пальцы в его темные волнистые волосы и шепчу: «Тебе удалось купить подарки, которые она хотела?»

Он кивает.

– Все уже упаковано и убрано в кладовку.

– Ты просто суперпапа, знаешь?

Он улыбается.

– Конечно, знаю.

– Мама, – зовет Элла с высокого стула у бара. – Линдси и Джейн уже целую неделю получают подарки. А мы можем стать евреями?

Я улыбаюсь.

– Нет, милая, мы же итальянцы, разве ты забыла? То есть вы с папой итальянцы. Но я к вам присоединяюсь.

– Что, папа родился в Италии?

– Папа родился в Монтане, но твои дедушка с бабушкой действительно родились в Италии.

– А мы туда можем когда-нибудь съездить? – Она очень похожа на свою бабу – такие же изумительно красивые карие глаза, оливкового оттенка кожа и волнистые волосы, как у Джеймса.

– Конечно, – отвечаю я. – В следующем году мы с папой тебя туда обязательно свозим. Там у тебя много двоюродных братьев и сестер, вот вы и познакомитесь.

Я вручаю ей чашку с горячим шоколадом и горсткой зефирных конфет.

– Осторожно, – предостерегаю я. – Он еще горячий.

Я снимаю с нее шапку с заячьими ушками и расплетаю косичку. Джеймс обнимает меня, а я расчесываю волосы дочурки.

Мне бы так хотелось навсегда остаться в этих воспоминаниях, но внезапно мои видения прерываются стуком в заднюю дверь. Сначала я не обратила на него внимания, не желая пробуждаться от приятных грез. Ну, еще пять минуток, думала я, хоть одно мгновение! Но стук не утихал. Тук-тук-тук...

– Эй, есть кто-нибудь дома?

Я вынырнула из воспоминаний, обернулась и увидела незнакомого мужчину, который всматривался в мое жилище из задней двери. Он был одет в клетчатую рубашку с длинными рукавами, темно-синюю шерстяную жилетку и джинсы. Его коротко стриженные светлые волосы слегка встрепаны, и невозможно было понять, сделано ли это специально, или же человек небрежно относился к собственной внешности.

– Да, я здесь, – откликнулась я, немного ошарашенная. Я натянуто улыбнулась, хотя вовсе не была настроена на беседу. Кроме того, к сожалению, я была не одета – ночная рубашка мало подходила для встречи с соседями, особенно со столь привлекательными мужчинами.

– Простите, – произнес он. – Я просто подумал, что следует заглянуть и узнать, все ли у вас в порядке.

Внезапно я уловила запах дыма, но никак не могла понять, откуда он доносится.

В этот момент меня уже перестало интересовать, кто такой этот незнакомец, и все мои мысли были заняты лишь мыслями о том, что я могу спалить плавучий домик.

– Не представляю, что случилось, – произнесла я, глядя на плиту. – Я всего лишь включила конфорку, чтобы подогреть молоко и... – Тут я заметила, что из щели духовки просачивается струйка дыма. Я открыла духовку, и оттуда вырвались клубы едкого дыма.

Я отскочила от плиты, а сосед, которому я даже не успела представиться, вбежал в дверь и распахнул духовку, чтобы дым выветрился. Потом он включил вытяжку, и заработал вентилятор. Он заглянул внутрь плиты и с удовлетворенным видом отметил: слава богу, ничего не загорелось. Просто что-то тлеет.

– Странно, – сказала я. – Наверное, я просто устала. Мне казалось, что я погасила конфорку. А на самом деле, наверное, включила духовку.

Мужчина протянул руку. Вблизи он казался моложе, я подумала, что ему, наверное, нет еще и сорока.

– Меня зовут Алекс, – представился он.

– А я Ада, – сказала я. – Я только вчера сюда приехала.

– Позвольте приветствовать вас на нашем причале, – с улыбкой произнес он. – Вообще-то я живу на соседнем, но Джим и прочие обитатели считают меня почетным членом своего сообщества. – Он наклонился ко мне, поднеся ладонь ко рту, словно собирался сообщить мне какой-то секрет. – По правде говоря, – произнес он, весело подмигивая, – причал, на котором я живу, не слишком презентабельный.

– Неужели? – Я улыбнулась. Мы вышли на палубу, и он указал на плавучий домик напротив моего. Он был меньше, чем мой, а из-за резких линий и современной крыши сразу было понятно, что его хозяин мужчина.

– Я здесь поселился пять лет назад. Купил почти задаром, потому что дом уже почти затонул.

– Неужели? – удивилась я. – Значит, вы его перестроили?

– Конечно, – ответил он. – В любом случае приношу свои извинения за то, что так нахально вторгся в ваш дом. Но после пожара в одном из плавучих домиков в 2003 году я очень настороженно отношусь к дыму на озере.

– Пожар?

– Именно, – подтвердил он. – Это случилось через месяц после того, как я сюда приехал. На соседнем причале сгорели пять домиков. Это было просто ужасно.

– О боже, – воскликнула я. – Кто-нибудь пострадал?

– Слава богу, нет. Что удивительно, потому что если загорается одно судно, огонь мгновенно распространяется на соседние. Здесь надо быть предельно осторожным.

– Извините, что напугала вас, – сказала я.

– Все нормально, – с улыбкой сказал он. – Честно говоря, на самом деле это лишь был хитроумный предлог, чтобы познакомиться с новой соседкой.

Меня внезапно охватило смущение – я вдруг осознала, что мой внешний вид никуда не годится: растрепанная, в старых легинсах и зеленой фланелевой ночной рубашке. Но тут я вспомнила, что Джоани говорила, будто жители Сиэтла не слишком заморачиваются по поводу стиля одежды, и немного успокоилась. И вообще, почему меня должно волновать, как я сейчас выгляжу?

– Ну что ж, – сказала я. – Было приятно с вами познакомиться.

– А вы здесь надолго? – спросил Алекс. Он вытащил левую руку из кармана, и я невольно обратила внимание, что на безымянном пальце не было кольца. Надо сказать, я всегда с подозрением относилась к привлекательным мужчинам зрелого возраста, не связанным узами брака. Как-то у меня случился кратковременный роман с тридцатилетним финансовым аналитиком, который казался почти идеальным мужчиной. Я даже познакомилась с его родственниками на свадьбе его сестры и втайне мечтала о собственной, пока не выяснила, что он голубой и затеял наши отношения лишь для того, чтобы убедить семью в своей якобы нормальной ориентации.

– Честно говоря, я пока понятия не имею, сколько времени здесь пробуду, – честно призналась я. – Я подписала договор до конца лета, но еще не решила, когда уеду.

Он кивнул.

– А чем вы занимаетесь в?..

– Нью-Йорке. Я из Нью-Йорка. – Я удивилась, что так разоткровенничалась с Алексом, но с ним было так легко общаться, и мне даже показалось, что в его присутствии печаль отступила. – Я журналист. Работаю редактором в «Санрайз».

– В журнале?

– Да, – сказала я. – А теперь, может быть, вы расскажете о себе?

– Я фотограф, – ответил он. – В основном делаю фотографии для кулинарных изданий. Но только не подумайте, что я преуспел в кулинарии. На самом деле я даже омлет не сумею приготовить.

Я рассмеялась.

– Как же так? Не умеете готовить и при этом фотографируете всевозможные блюда?

– Знаю, что нормальному человеку это невозможно представить. Но если вы что-нибудь приготовите, я смогу профессионально запечатлеть ваш шедевр.

– Насколько я понимаю, вам нравится *есть* то, что вы снимаете?

– Разумеется, – ответил он. – Это самая лучшая часть процесса. – Он заглянул за угол, где стоял книжный шкаф. – Я дал Роксанне пару книжонки, чтобы скрасить досуг арендаторов.

– Вы имеете в виду владелицу домика, не так ли?

– Да, – ответил он. – Последний раз я получил от нее весточку, когда она находилась на Аляске.

Я кивнула, вспомнив, что сказал мне продавец в магазинчике о пропавшей женщине, но не стала об этом упоминать.

– Во всяком случае, уверен, что кулинарные книги все еще где-то здесь.

– Я непременно их поищу, – пообещала я.

Он улыбнулся.

– Что ж, мне, пожалуй, пора. Было очень приятно с вами познакомиться, Ада.

– Вас ведь, кажется, зовут Алекс? Простите, у меня очень плохая память на имена.

– Представьте, у меня тоже, – ответил он, направляясь к двери. Я в окно наблюдала, как он садится в каноэ и направляется через небольшой канал к своему домику.

Поднявшись по лестнице в спальню, я попыталась уснуть. Прошло какое-то время, но сон не приходил. Я вспомнила о прочитанной когда-то в журнале статье, где советовали в случае бессонницы встать и заняться чем-нибудь в течение двадцати минут, а потом снова попробовать заснуть. Все лучше, чем снотворное.

Я принялась рыться в чемодане – вещи так и не были разобраны – и наконец нашла роман, который искала. Я начала читать книгу, но после пары страниц потеряла к ней интерес. Я вспомнила про книги Алекса, и внезапно меня охватило любопытство. Подойдя к книжному шкафу, я начала рассматривать корешки. Множество романов, некоторые из них в бумажной обложке, были настолько зачитаны, что, казалось, их потрепанные страницы скрепляют лишь любовь и капля клея. Путеводитель по северо-западу, руководство по туристическим походам в сопровождении собак... Затем, на самой верхней полке, я заметила целую стопку книг большого формата. С трудом дотянувшись до них, я достала ту, которая была похожа на кулинарную книгу. На обложке красовалось имя Алекса Милстеда, и я не смогла сдержать радостную улыбку. Книга была посвящена рецептам для барбекю, и ее автором была Келли Адамс. Я пролистала страницы. Да, фотограф действительно хорош. Изображения были яркими, живыми и по качеству ничуть не отличались от тех, которые можно видеть на страницах «Санрайз». Я снова бросила взгляд на обложку и отметила, что книга отмечена премией Джеймса Берда⁶. Впечатляет. Заинтригованная, я открыла последнюю страницу, где была напечатана биография автора. Должна сказать, что эта Келли Адамс была весьма недурна. О ее литературной плодовитости я умолчу – судя по упомянутым данным, она написала четырнадцать кулинарных книг, и каждая из них была удостоена награды. Я даже увидела знакомое название – «Поздний завтрак», у нас в «Санрайз» несколько лет назад была опубликована на нее рецензия. Интересно, а не было ли у них с Алексом романа? Я прочитала данные о нем: «Фотограф Алекс Милстед, работы которого удостоены многочисленных премий, в течение многих лет работал в Судане

⁶ Американский кулинар; премию Джеймса Берда называют «Оскаром» кулинарного мира. (Прим. ред.)

как фотокорреспондент «Тайм», пока не сменил бронежилет на кухонный фартук. Несмотря на то что сам он считает себя дилетантом на кухне, его фотографии опубликованы в «Гурмэ», «О, Опра Мэгэзин», «Нью-Йорк таймс» и многих других журналах. В настоящее время живет в плавучем домике в Сиэтле».

Надо же, он, оказывается, вполне состоявшийся человек. Я положила кулинарную книгу на полку, потерла глаза и зевнула. Наконец-то я почувствовала, что меня клонит в сон. Я снова прошла в гостиную и на кофейном столике заметила стакан с водой, который там оставила. Впрочем, это был не кофейный столик, а скорее старинный деревянный сундук, который использовался не по назначению. Он был очень древний, с потускневшими медными петлями. Я опустила стакан на стойку в кухне, а затем снова вернулась к сундуку. На одной из петель висел небольшой замок, но, когда я подергала его, пытаясь открыть, он не поддался. Что же там внутри?

Я поднялась по лестнице и забралась в постель. Прошло уже два года, но мне все равно было странно спать в одиночестве. Странно и очень грустно. Люк был открыт, и я слышала шум дождя на улице. Вначале он лишь слегка моросил, окутывая озеро легким туманом. Потом я услышала оглушительный гром, и капли яростно забарабанили по крыше.

Дождь – божьи слезы.

Я натянула стеганое одеяло из гусяного пуха до подбородка и лежала, прислушиваясь к настойчивому звуку дождя. Монотонность успокаивала, и, закрывая глаза, я подумала, что Сиэтл и вправду может быть идеальным пристанищем для того, чье сердце разбито.

Глава 7

Пенни

Декс вышел из ванной в полотенце, обернутом вокруг талии. От него приятно пахло туалетной водой, волосы были гладко зачесаны назад, как я любила.

Он поцеловал меня, и я вдохнула запах его кожи – хвойный, сладковатый. Интересно, заметит ли он мое новое платье – в красно-белую клетку, с необычно глубоким для меня вырезом? Но он как ни в чем не бывало подошел к кухонной стойке и бросил несколько зеленых оливок в рот.

– Ты не забыла достать вермут?

– И еще приготовила маленькие зубочистки, как ты любишь, – сказала я, показывая коробочку. Мы устраивали здесь уже немало вечеринок, и я была уверена, что и сегодняшняя пройдет отлично. Я чуть не подпрыгнула от неожиданности – зазвонил таймер духовки.

– Что ты готовишь? – спросил муж.

– Твою любимую запеканку из артишоков.

– Артишоков?

– В чем дело? Мне казалось, ты ее любишь.

– Конечно, люблю. Просто думал, что сегодня будет из фасоли.

Я чуть не расплакалась. Мне хотелось швырнуть стеклянную кастрюльку на плиточный пол и позвать уток, чтобы они все подчистили. Уж они-то точно оценят мою стряпню!

Декс коснулся моей руки.

– Прости, – сказал он. – Я не знаю, что со мной творится. Запеканка из артишоков – это великолепно. – Он притянул меня к себе. – *Ты* тоже великолепна!

Я с трудом улыбнулась, но досада осталась.

Декс окунул кусочек французской булки в подливу, а потом повернулся ко мне.

– А ты пригласила нового соседа?

– Ты имеешь в виду того, который строит лодку?

Он кивнул.

– Думаешь, стоит?

Он бросил взгляд на часы.

– Почему бы и нет? Он производит впечатление довольно приятного человека. – Он почесал голову. – Только не могу вспомнить, как его зовут.

Колин. Его зовут Колин. Но я промолчала – мне было неловко признать, что я знаю его имя.

– Ну хорошо, пойду оденусь, – произнес Декс. – Ты не хочешь его пригласить?

– Даже не знаю, – ответила я, поворачиваясь к плите. Мне еще столько нужно приготовить.

– Не будь такой нелюдимой, Пенн, – заявил Декс. – А то он подумает, что тут живет парочка отшельников.

– Ну, хорошо, – быстро согласилась я, развязывая фартук. Декс удалился, чтобы одеться к вечеринке, и я, пощипав щеки перед зеркалом, вышла на палубу. Лодка Колина стояла у следующего причала, и я, вместо того чтобы пойти пешком, решила отправиться туда на каноэ. Сбросив туфли, я забралась в лодку. Смахнув с весла перо чайки, я оттолкнулась от причала, и через мгновение нос каноэ уже уткнулся в причал Колина. Привязав каноэ, я выбралась из него.

Чувствуя себя весьма неловко, я осмотрела палубу. Инструменты Колина в идеальном порядке были разложены рядом с металлическим чемоданчиком зеленого цвета с ржавой руч-

кой. Вблизи деревянная яхта выглядела гораздо красивее, чем я представляла, и я невольно залюбовалась ею. Он уже начал работать над леером. Я провела рукой по отполированной тиковой обшивке, гладкой, словно шелк, потом выпрямилась и прошла к задней двери домика Колина. Постучала, но ответа не услышала, поэтому, прижав лоб к стеклу, я стала всматриваться в полумрак.

Помещение внутри плавучего домика было чистеньким и скромно обставленным – я заметила маленький диван и кофейный столик. На кофейном столике лежало нечто, очень напоминающее медаль за военные заслуги, и несколько разбросанных фотографий. Я прищурилась, чтобы получше все рассмотреть, но по-прежнему ничего не могла разобрать. На полу стоял проигрыватель, рядом с которым валялась обложка альбома Фрэнка Синатры. Я обожала его песни.

Шаги за спиной заставили меня обернуться. Колин поставил на палубу пакет с продуктами и смущенно улыбнулся.

– Привет, – быстро произнесла я. – Я... я просто заскочила пригласить вас на вечеринку с коктейлями сегодня вечером.

– Надо же, – сказал он, продолжая улыбаться.

Между нами воцарилось напряженное неловкое молчание. Я не знала, что еще можно сказать, поэтому попятилась назад к каноэ.

– И как вам все это понравилось?

Я изумленно посмотрела на него.

– Что именно?

– Мой дом, – ответил он. – Я видел, что вы пытаетесь заглянуть внутрь.

Мое лицо запылало, я почувствовала себя крайне глупо, словно маленькая девчонка, которую поймали за тем, что она пыталась залезть в косметичку матери.

– Никуда я не заглядывала, – возразила я. – Я просто пыталась понять, дома вы или нет.

– Разумеется, – произнес он. Улыбка по-прежнему не сходила с его лица, он слегка склонил голову вправо, как будто находил мое смущение крайне забавным.

– Послушайте, – сказала я, забираясь в лодку. – Забудем об этом. – Я отвязала каноэ и оттолкнула его от причала. – Я просто пыталась быть гостеприимной.

Я уже привязала каноэ к нашему причалу, когда на палубе появились Наоми и Джин.

– Добрый вечер, Пенни, – приветствовал меня Джин.

Я вылезла из каноэ, все еще чувствуя, что Колин неотрывно смотрит мне в спину, но не стала оборачиваться.

Наоми шагнула ко мне и поправила непокорный локон, выбившийся из моей прически.

– Ты чем-то расстроена, милая, – сказала она, поглядывая в сторону домика Колина. – С тобой все в порядке?

– Все просто замечательно, – ответила я самым уверенным тоном, на какой была способна.

Она всучила мне поникшую желтую хризантему в глиняном горшке.

– Такие милые цветочки, не правда ли?

Я кивнула, но не призналась, что просто терпеть не могу хризантемы, а от их тошнотворного резкого запаха у меня всегда начинает болеть голова.

– Давайте пройдем внутрь, – сказала я, пристраивая растение рядом с входной дверью. – Я приготовлю вам коктейль, пока мы ждем остальных гостей.

Из кухни я наблюдала, как Наоми скидывает свитер, демонстрируя обнаженные руки – длинные и красивые. Как бы мне хотелось носить блузки без рукавов хотя бы с небольшой долей ее уверенности. Декс поцеловал ее в щеку и пожал руку Джину. Наоми слегка теребила ожерелье, слушая, как Декс рассказывает что-то забавное, но я не могла разобрать слов из-

за треска шейкера. Все весело смеялись. Я продолжала энергично смешивать коктейль. Дексу нравилось, когда мартини покрыт слоем льда.

Я взяла три бокала, наколола оливки на зубочистки и дрожащей рукой наполнила бокалы до краев. Подобные увеселительные мероприятия всегда заставляли меня чувствовать себя не в своей тарелке и даже нервничать, а вот Декс был просто рожден для роли гостеприимного хозяина.

Том и Ленора пришли, когда я расставляла напитки на подносе. По возрасту они ближе к Дексу, чем ко мне. Среди его друзей я ощущала себя школьницей, но поспешила напомнить себе, что я все же жена Декса. Миссис Декстер Уэнтворт. Я улыбалась, здороваясь с Эллен и Лу Марчами и с Джо и Линн Хофстра. Давным-давно, когда Декс только поселился на Лодочной улице, он встречался с Линн. Задолго до того, как в его жизни появилась я. Линн очень красива и элегантна. Она держала адвокатскую контору до того, как познакомилась с Джо. Я подхватила поднос, стараясь не расплескать напитки, когда до моих ушей донесся тихий разговор Наоми и Линн. Они стояли у двери и беседовали приглушенными голосами.

– Проблема в наше время состоит в том, что слишком многие мужчины выбирают жен, которые не соответствуют их интеллектуальному уровню, – говорила Наоми, томно потягивая мартини.

Линн кивнула в знак согласия.

– Я называю это материнским синдромом, – продолжала Наоми. – Мужчины инстинктивно ищут «мамочку», но на самом-то деле им нужна настоящая женщина. Партнер, а не клуша, которая будет каждый вечер укладывать их в постельку, принося кружку теплого молока.

Линн что-то ответила ей, но я не смогла разобрать слов.

Наоми закатила глаза.

– Совершенно верно, – сказала она.

Сердце мое заколотилось. Я старалась не обращать внимания на слова Наоми. Конечно же, она имела в виду вовсе не меня. И в то же время я не могла отделаться от мысли, что именно так она думает о нашем браке с Дексом, и ее мнение, несомненно, разделяют остальные его друзья. Почему так онемела моя левая рука? Я глубоко вздохнула и бодро направилась в гостиную, где гости окружили Декса. Он находился совсем рядом, но казалось, что нас разделяют тысячи миль. Я не понимала, что он им говорит. Реальность казалась мне призрачной, все как будто происходило не со мной. Я слышала лишь голос своего мужа и последующие взрывы смеха. Он душа компании. Я прошла сквозь толпу гостей, спеша занять место рядом с ним. Миссис Декстер Уэнтворт. Но тут мой каблук зацепился за ковер, и я споткнулась. Мне не удалось удержать поднос, и он выскользнул у меня из рук. Раздался звук бьющегося стекла, послышались возгласы женщин.

– Дорогая, с тобой все в порядке? – встревоженно спросил склонившийся надо мной Декс. Его темные глаза были наполнены искренней тревогой. Подошли Ленора и Том. Лу, Эллен и Джо. Линн. Джин и Наоми. Она скрестила на груди руки, будто демонстрируя недовольство тем, что я испортила им весь вечер.

Я виновато посмотрела на Декса.

– Простите. Я такая неуклюжая.

– Ты просто споткнулась, милая, – сказал он. – А все этот чертов ковер. Надо было заметить его еще год назад. – Мне нравилось, как Декс умеет сглаживать неприятные моменты.

Все уставились на меня, и я почувствовала, как загорелись мои щеки.

– Мне, пожалуй, стоит выйти подышать воздухом, – выдавила я.

– Давай я с тобой посижу, – произнес Декс, помогая мне подняться на ноги.

Я заметила в его глазах печаль, которую он пытался спрятать за веселой маской счастливого человека. В последнее время эта печаль появлялась все чаще. А прошлым вечером я при-

творилась, что сплю, и явственно слышала, как он тихо плачет, лежа рядом со мной, а его тело, свернувшееся клубком, сотрясается от боли. Мне так хотелось утешить его, но я знала, что ему от этого станет еще хуже, ведь все мои прежние попытки помочь встречали ожесточенное сопротивление. Он блуждал в тумане, но ясно давал понять, что сам хочет найти выход. Мысль о том, что я ничего не могу сделать, не могу зажечь свет, чтобы осветить ему путь, причиняла мне нетерпимую боль.

Но в тот вечер я была преисполнена решимости и решила не отступать. Мне казалось, что я могу справиться со своими страхами и помочь ему засиять снова. Справиться с депрессией мужа гораздо важнее, чем идти на поводу у собственных страхов.

– Не стоит, – сказала я. – Лучше останься с гостями. Со мной все в порядке. – Я знала, как много для него значит эта вечеринка. Я знала, как он нуждается в компании друзей, и не желала омрачать ему вечер. – Я немного побуду на свежем воздухе и через минутку вернусь.

Я вышла на палубу, опустила в кресло и принялась смотреть на волны озера. А вечеринка тем временем текла своим чередом. До моих ушей доносился звук смешиваемых коктейлей. Кто-то поставил пластинку. Они, наверное, танцуют. К горлу подступил комок. У меня не было сил вернуться в гостиную. Я поднялась из кресла и прошла на край палубы, где оставила каноэ. Пожалуй, я покатаюсь. Никто и не заметит моего отсутствия.

Я уже было потянулась за веслом, когда за моей спиной раздался голос.

– Надеюсь, я не слишком опоздал?

Это был Колин. Он выглядел несколько по-иному, может быть, потому что был одет не в свою рабочую одежду и гладко выбрит. На нем были джинсы и свежевыглаженная сорочка в тонкую полоску, две верхние пуговицы которой были небрежно расстегнуты. В правой руке он держал бутылку вина, а в левой – два бокала.

Я не нашла, что ответить.

– Увидел, что вы сидите здесь в одиночестве, – сказал он, открывая бутылку и разливая вино по бокалам. Он вручил мне один из них, и я безропотно его приняла. – И осмелился предположить, что вам не мешает компания.

Я сделала маленький глоток. Вино было теплым, успокаивающим и, как мне показалось, принесло облегчение. Колин уселся рядом на палубе и прислонился к стене домика. Я решила последовать его примеру и уселась рядом, тщательно расправив клетчатую льняную юбку, чтобы прикрыть ноги.

– А почему вы не угостили меня булочками? – спросил Колин. Заметив смущение на моем лице, он пояснил: – Я просто услышал аппетитный запах свежей выпечки и размечтался. – Он пожал плечами. – Они удались?

– Они были великолепны, – ответила я.

– Вы знаете, ветер постоянно доносит божественные запахи из вашей кухни до моей палубы, – продолжил он.

Я невольно улыбнулась.

– До сегодняшнего дня не знала. Но теперь, когда вы меня просветили, мне придется печь шоколадные пирожные чаще.

Он приложил руку ко лбу в притворном отчаянии.

– О, это будет пытка для моих рецепторов.

Я лишь лукаво улыбнулась.

– Итак, поговорим о выпечке. Надо понимать, это ваша фишка?

Еще не успев ответить, я поняла, что на самом деле, когда я поглощена процессом замешивания теста или выпечки пирогов, это приносит мне удовлетворение, и эта мысль порадовала меня.

– Полагаю, этот процесс отвлекает меня от всего остального.

Колин понимающе кивнул.

– Вот точно такие же эмоции и я испытываю, когда работаю над яхтой. В это время ничто в мире не имеет для меня значения, кроме деревянной рейки в руках.

Потом он спросил:

– Вам нравится здесь, в Сиэтле?

– Пожалуй, да, – вполне искренне ответила я. – По большей части. А вам?

Он пожал плечами.

– Нормально. Но я не собираюсь задерживаться здесь навсегда.

– Правда?

Он отвел взгляд, и на его лице появилось отрешенное выражение, словно он вглядывался в прошлое или, возможно, в будущее.

– Когда я завершу проект, над которым сейчас работаю, я продолжу свои путешествия.

Я указала на маленькую яхту, над которой он так увлеченно трудился.

– Значит, на ней вы поплывете куда-нибудь далеко-далеко?

– Нет, конечно, – ответил он. – Это особое судно и принадлежит заказчику.

Он бросил короткий взгляд на мой дом, и мне стало любопытно, не принадлежит ли его заказчик к числу поддерживающих Декстера меценатов из богатейших семей Сиэтла.

Мне было немного грустно при мысли о том, что это прекрасное творение будет когда-нибудь принадлежать какому-нибудь незнакомцу. Интересно, Колину будет тяжело с ним расставаться?

– Когда вы ее закончите, что будете делать дальше?

Колин пожал плечами.

– Получу деньги, и вперед, к новым приключениям.

Я натянула юбку пониже на ноги и изменила позу.

– Как бы мне хотелось в один прекрасный день уплыть отсюда, – робко призналась я.

– Тогда почему вы этого не делаете? – спросил Колин. Мне нравилась его непринужденная манера вести беседу. Казалось, он в любой момент может подняться и уйти. Если бы я могла вести себя так же свободно!

– Видите ли, мой муж не выносит путешествовать по воде, – объяснила я. – Его укачивает.

– И тем не менее он продолжает жить в *плавучем домике*?

– Если судно находится на закрытом участке воды, то с ним все в порядке, но при волнении в открытом море он всегда плохо себя чувствует.

– Что ж, давайте представим, что вы можете путешествовать совершенно свободно и направить судно, куда хотите. Куда бы вы поплыли?

Я на минуту задумалась, а потом улыбнулась.

– На остров Каталина, конечно.

Было очевидно, что Колин весьма удивлен моим выбором.

– Почему именно туда?

Я допила последний глоток вина, и он снова наполнил бокал.

– Это звучит так романтично. Есть такая песенка, помните?

– «Двадцать шесть миль через моря, там Санта-Каталина ждет меня. Санта-Каталина – это остров любви»⁷. Вы это имеете в виду?

– Конечно, – я мечтательно улыбнулась. – Во всяком случае, мне так хотелось отправиться туда во время медового месяца, но Декс предпочел провести время в Мексике.

– Ну, Мексика тоже звучит неплохо, – сказал Колин. – Я путешествовал по всему Тихоокеанскому побережью. А теперь мне хотелось бы отправиться к Нижнюю Калифорнию.

– Правда? – спросила я, весьма заинтригованная. – А где бы вы закончили свое путешествие?

⁷ Слова из песни «Twenty six Miles Across the Sea» (англ.). (Прим. ред.)

Улыбка внезапно исчезла с лица моего собеседника, и я испугалась, не ступила ли случайно на запретную территорию, но он пожал плечами и просто ответил:

– Терпеть не могу задерживаться на одном месте слишком долго.

Мне безумно хотелось расспросить его о прошлом, но мое внимание снова переключилось на происходящее в доме, потому что оттуда снова донесся оглушительный взрыв смеха.

– Кажется, они там весело проводят время, – произнес Колин, указывая на заднюю палубу.

Я кивнула в знак согласия.

– А вы будете плавать на своей лодке? Я имею в виду, когда вы ее закончите, и до того, как заказчик ее заберет? – Я была смущена, говорила подозрительно быстро, как обычно, когда нервничаю. – Понимаете, я всегда мечтала совершить кругосветное путешествие на яхте, допустим, начать свой путь отсюда и плыть из порта в порт, чтобы кожа загорела дочерна.

Какое-то время Колин внимательно смотрел мне в глаза. Солнце уже опустилось за горизонт, и я с трудом различала выражение его лица – лишь глаза, большие и яркие, в которых сквозило неподдельное любопытство.

– Вы таким образом просите меня вас покатасть?

Я совсем стушеввалась. Я, конечно, открыто не намекала, но, если честно, в моих словах несомненно присутствовала невысказанная просьба. Больше всего на свете мне хотелось залезть в это чудесное суденышко под парусами и почувствовать, как ветер играет моими волосами.

– Да нет, я просто...

– Ну что вы, я всего лишь поддразниваю вас, – сказал Колин. – Мне хотелось бы пригласить вас на прогулку на своей яхте.

Я смущенно улыбнулась и поспешила отвернуться, чтобы Колин не заметил моих пылающих щек.

– Вы знаете, таких, как вы, мало, – внезапно сказал он.

Я подумала, что он всего лишь хочет польстить мне, и быстро проговорила:

– Не говорите глупостей.

– Нет, на самом деле, – заявил он, – немногие женщины мечтают о жизни в море, которую вы только что описали.

– Не понимаю, что тут такого.

Он покачал головой.

– Знаете, большинство женщин предпочитают безопасную спокойную жизнь.

Я тут же подумала о своей жизни с Декстером. Безопасная. Спокойная. Какое точное описание.

Я не успела возразить, как Колин заговорил снова.

– Когда-то в детстве меня привела в восторг цитата из Марка Твена. Он сказал: «Через двадцать лет вы будете больше сожалеть о том, чего не сделали, чем о том, что вы сделали. Поэтому отбросьте сомнения. Уплывайте прочь от безопасной гавани. Поймайте попутный ветер своими парусами. Исследуйте. Мечтайте. Открывайте».

– Какие прекрасные слова! – воскликнула я взволнованно. – Как же я хочу отправиться в плавание...

Колин довольно улыбнулся, а потом сунул руку в карман и извлек помятый билет. Я разглядела, что это был билет в кинотеатр на фильм «Незабываемый роман»⁸. Я так хотела сходить на этот фильм в прошлом месяце, но Декстер жаловался на головную боль, и нам пришлось отказаться от этой затеи.

– Не понимаю, что это, – сказала я.

⁸ Голливудский кинофильм 1957 г. с Кэри Грантом и Деборой Керр в главных ролях. Режиссер Лео Маккэри. (Прим. ред.)

– Ваш билет. На первое в жизни плавание.

– Ну... спасибо, – произнесла я чуть растерянно.

Я подняла голову и, заметив приближающегося к нам Декстера, быстро вскочила и спрятала билет в крошечный карман своего платья.

– Тебе уже лучше?

– Да, намного лучше, дорогой.

Декс улыбнулся Колину и протянул ему руку.

– Рад, что вы все-таки пришли. Меня зовут Декстер Уэнтуорт. А это моя жена, Пенни. Проходите, давайте выпьем что-нибудь. У нас только начались танцы.

Колин проследовал за Дексом в дом. Я заметила, что Наоми уже успела напиться. Она стояла с вызывающим видом и улыбалась, словно Чеширский Кот. Интересно, а чем занимается Джимми сегодня вечером? Я представила, как он сидит дома в полном одиночестве, рассматривает комиксы или таращится в телевизор... Джин поднялся на ноги и забрал у Наоми бокал, из которого она пила мартини. Нетвердой походкой женщина направилась к нам.

– О, посмотрите, кто к нам пожаловал! Красивый мастер-лодочник, – изрекла она с громким смехом.

Пленительные звуки саксофона Стэна Гетца заполнили комнату.

– Отлично, – сказала Наоми капризным тоном. – Наконец кто-то удосужился поставить нормальную танцевальную музыку. – Она схватила Колина за руку и неловким движением пристроила ее на мою талию. – Вы тут самые молодые и поэтому должны танцевать.

Колин посмотрел на меня и виновато улыбнулся.

– Это ведь вечеринка, – прошептала я ему на ухо. – Давайте потанцуем.

Он притянул меня поближе, как будто мои слова его успокоили. Я чувствовала, что все нас рассматривают, но не заметила в комнате ни Декса, ни Наоми, ни Джина. А Колин, оказывается, отлично танцует. Можно не беспокоиться, что мне отдавят ноги. Я расслабилась, голова стала легкой. И когда глаза Колина встретились с моими, то сердце мое замерло, а потом забилось с удвоенной силой...

Глава 8

Ада

Я пила кофе на палубе, когда вдруг увидела Джима, выглядывающего из-за угла.

– Простите, я вас не побеспокоил? – Он, как всегда, полон дружелюбия, но все же было заметно, что с ним что-то не так. Может быть, чем-то расстроен. Мой сосед не из тех людей, которым удастся спрятать дурное настроение за улыбкой. Может быть, поэтому он мне так нравился.

– Нет, – ответила я. – Разумеется, нет.

Он протянул мне карточку, очевидно напечатанную на струйном принтере – края были слегка запачканы краской.

– Мама настаивает на том, чтобы мы приглашали всех соседей на это мероприятие. Оно проводится каждый год.

Я рассмотрела открытку.

ПРИГЛАШЕНИЕ

на ежегодный Бал холостяков на Лодочной улице

30 июля в 18.00

Убедительная просьба спиртные напитки приносить с собой.

– Бал холостяков? Звучит заманчиво.

Джим пожал плечами.

– Его проводят, сколько я себя помню. У нас раньше даже был музыкальный квартет. Но они все поумирали. Сейчас из участников остался только отец. Он играет на скрипке.

– Правда? – удивилась я. – Мне тут на днях казалось, что я слышу звуки скрипки. Наверное, это ваш отец играл.

– Угадали, – Джим расплылся в улыбке. – Я так счастлив, что он по-прежнему играет. Конечно, он уже почти не видит ноты, но музыкальная память его не подводит. Он играет по памяти.

– Потрясающе, – воскликнула я.

– Понимаете, старческая деменция – ужасная болезнь. В какой-то момент он кажется совсем нормальным и тут же обращается ко мне, принимая меня за своего коллегу с факультета английской литературы. Маме так тяжело все это видеть. Впрочем, иногда он вспоминает вещи, о которых она сама забыла напрочь. – Он пожал плечами. – Человеческий мозг абсолютно непостижимая вещь.

– Как печально, – посочувствовала я. – Наверное, это очень тяжело для вас.

Он снова пожал плечами.

– Во всяком случае, мама очень настаивала, чтобы вы тоже были приглашены.

– Благодарю, – ответила я, улыбаясь. – Вы ее нашли?

Он посмотрел на меня в недоумении.

– Я имею в виду Генриетту, – напомнила я.

– Увы, нет. Она так еще и не вернулась домой.

– Грустная новость. А как себя чувствует Хейнс?

– Отвратительно, – ответил он. – Он категорически отказывается есть.

– Я попытаюсь поискать ее, – сказала я, поворачиваясь к задней двери. – Что ж, пожалуйста, передайте вашей матери мою благодарность за любезное приглашение. – Джим расплылся в улыбке, как будто его внезапно осенила какая-то идея.

– А почему бы вам не навестить нас и не познакомиться с ней? Это пойдет ей на пользу. У отца сегодня плохой день, а когда это случается, ей тоже приходится несладко.

– А вы уверены, что стоит это делать? – осторожно поинтересовалась я. – Я даже не успела привести себя в порядок. И на самом деле...

– У мамы катаракта, – пояснил он. – Для нее вы всегда будете выглядеть как Анджелина Джоли.

Я улыбнулась и последовала за ним по причалу. Внезапно я заметила зеленый выюнок, обвивающий край пристани. Белые цветы жадно тянулись к утреннему солнцу.

– Этот выюнок, – обратилась я к Джиму, – как он называется? В Нью-Йорке мне не приходилось видеть ничего подобного.

– Его называют «утреннее сияние», – ответил он. – Прелестное растение, вы не находите?

– Просто чудо! – сказала я, наклоняясь, чтобы дотронуться до нежного белого граммофончика.

– А вот мама так не считает. В прежние времена она вела с ним беспощадную борьбу и никогда не позволяла этому растению так буйно разрастаться. Она бы давно уже выколола его с корнями. Вот такая у нее была причуда.

На мгновение я задумалась, почему так случается, что люди обязательно находят себе объект для личной вендетты. Это может быть определенный человек, место, любые предметы. Мой отец, например, воевал с газозаправочными станциями. Он всегда утверждал, что там жульничают. Всегда с подозрением рассматривал колонки в полной уверенности, что датчики врут. А у Джоани были заморочки в отношении барменов, готовящих кофе. Она, например, как-то вообразила, что студент, подрабатывающий за стойкой бара, во вторник утром намеренно испоганил большую порцию латте без кофеина с цельным обезжиренным молоком просто ради того, чтобы досадить ей, и потом переносила свое раздражение на всех барменов. Именно по этой причине я никогда не ходила с ней в кафе. Я едва удержалась от смеха, когда вспомнила нашу ожесточенную перепалку с управляющим в кафе «Старбакс» в Среднем Манхэттене. О, милая моя Джоани.

Почему так происходит? Почему психика человека пытается найти объект для ненависти и раздражения? Чем, например, не угодило прелестное «утреннее сияние» матери Джима Клайда?

Мы остановились у дома, перед которым стояли горшки с красивыми растениями.

– Ну, вот мы и пришли, – произнес Джим.

Он открыл дверь, и я вошла вслед за ним в дом. Зеленые стены оттенка авокадо и ворсистое ковровое покрытие коричневого цвета. Мне вдруг показалось, что я очутилась году эдак в 1963-м. И возможно, так оно и было, – время словно замерло здесь. Я вспомнила, что именно в этом доме вырос Джим.

– Мам, ты прилично одета?

В коридоре появился мужчина весьма преклонных лет. Он был высок и худощав, со сгорбленной спиной, и я подумала, что он страдает остеопорозом. На нем были мешковатые брюки, которые, казалось, были на три размера больше, чем надо, и мятая белая полотняная рубашка, одетая шиворот-навыворот.

– Привет, пап, – произнес Джим.

– Это ты, сынок? – Выражение его лица показалось мне приветливым.

– Да, это я, папа, – ответил Джим. – Мне бы хотелось тебя кое с кем познакомить. Это Ада, наша новая соседка.

– Кто-кто?

– Ада, – повторил Джим.

Старик привычно протянул мне руку, но на лице его застыло недоумение.

– Джин Клайд. Очень приятно с вами познакомиться.

– Пойдем присядем, папа, – сказал Джим.

В гостиной Джин поинтересовался, какие книги я читаю, и я сообщила ему, что купила какой-то роман в аэропорту, но, к сожалению, не могла припомнить название.

– Отец раньше преподавал английскую литературу, – пояснил Джим, подмигивая мне.

– А теперь скажи мне, Пенни, – продолжил старик, – начала ли ты читать роман, который я оставил вчера на твоём пороге?

– Папа, – сказал Джим в удивлении. – Это же *Ада*.

– Ничего страшного, – сказала я в надежде, что Джин не расстроился из-за того, что мог обидеть меня. Интересно, каково это – жить с деменцией? И кто такая эта Пенни?

– Джим, дорогой!

За моей спиной стояла мать Джима. На ней был синий бархатный домашний костюм. Нежная кожа покрыта морщинами и слегка обвисла на высоких скулах. Судя по тому как она на меня смотрела, я могла поспорить, что, несмотря на внешние признаки старения, она не потеряла остроту ума.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.